

Г+А=МЯ

Андрей Ч.

Андрей Чернышков

Галя

«Алисторус»

2020

УДК 82-94
ББК 84(7)

Чернышков А. В.

Галя / А. В. Чернышков — «Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907255-81-4

Лирическая повесть о странной, удивительной девушке и о всевозможных, порой неадекватных попытках автора дружить с ней. Действие развивается в церковном приходе на чужбине. История о том, как важные события оказываются эпизодичными, а другие – эпизодичные – растягиваются и меняют всю жизнь. Жизнь – не круг, а спираль с продолжением на новом витке. Так же и эта повесть – не завершённая, закрытая история, а новая ступень в отношениях. Не точка, а запятая...

УДК 82-94

ББК 84(7)

ISBN 978-5-907255-81-4

© Чернышков А. В., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Может ли каждый день быть счастливым?	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Ч. Галя

© Чернышков А.В. (Андрей Ч.), 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

* * *

Посвящается Тебе

Может ли каждый день быть счастливым?

Судя по вопросу, у меня нет такого опыта. Да и возник бы у ежедневно счастливого человека такой вопрос? Да и задумывается ли такой человек вообще такими вещами?

По всей видимости, нет.

Такой вопрос можно считать признанием: я не всегда счастлив. И уж, скорее всего, тем более, когда пишу: в состоянии счастья разве придёт в голову мысль, тратить счастливые мгновения на утомительную писанину? Так вот, раз пишут в основе своей люди не совсем счастливые, то в письме, складывается, счастья нет.

И тем не менее бывают счастливые письма, по крайней мере радостные. Они охватывают тебя вдруг каким-то простым и лёгким откровением, о котором ты и сам смутно догадывался, но не хватало лишь какого-то малого движения, толчка... И вот всё ожило, раскинулось вдаль, ширь и высь, а то и ещё в несколько измерений, для которых даже совсем и понятий не создано...

Так думал я в поезде, возвращаясь из твоего города домой. Я думал: разве можно назвать эти два дня счастливыми, если я тебя не застал. Ты была в другом городе или где-то ещё: на гастролях, у профессора, в больнице – где-то ещё.

Два раза сталкивался с твоей сестрой, и оба раза она мне ничего о тебе не сказала. Я тот, наверное, которому ничего не говорят о своих сёстрах. Мне трудно представить, кем она видит меня. И мне очень хочется знать, кем меня видишь ты. Я знаю, ты льстить не будешь, даже лишнего прибавишь, лишь бы лишить меня всякой надежды на самую возможность дружбы с тобой. И этим ты меня не отпускаешь, этим ты меня держишь так же, как иная держала бы любовью. И поэтому я еду в твой город, чтобы только посмотреть на тебя, убедиться: да, это та самая девушка, те самые глаза, которые меня не видят.

Стоп. Стойте! Так от меня не только ты, но и первые читатели разбегутся.

Ну вот кому я кричал: «Стойте»?

Мыслям, наверно. Они дёргаются в разных направлениях и тянут: туда! Нет, туда! Вот туда – и я прикладываю усилие и внимание удерживать их в общем направлении повествования.

Это начало повести, Галя. Повести о тебе. Не знаю, будет ли конец – я вот никак до дома не доеду: один поезд отменили, другой стоит, пока полиция ловит гуляющих по рельсам. Вот, например, стоит ли об этом – о гуляющих по рельсам? Это ведь так отвлекает. А с другой стороны, для чего-то они же ходят. Спроста или неспроста, но ходят же. Так вот, может быть, я пишу, чтобы каждый день стал счастливым? Чтобы ты, чтобы я... Вообще есть лишь одно слово на Земле. Это слово ТЫ. А по-английски выходит, что это единственный звук «Ю».

Разве может быть осознанная жизнь без того, к кому можно обратиться: «ТЫ»?

Ну если бы не было ТЕБЯ, Ю, к кому можно обратиться? С кем делиться, кому давать, у кого принимать? Разве бы Я был без ТЕБЯ, YOU?

Вообще-то я славянофил. По крайней мере таковым себя считаю. Но это в любви уж точно неважно – даже менее важно, чем те, кто гулял по рельсам, пока я писал предыдущую страницу.

Я хочу раскрыть тебе, себе удивительные стороны любви. Поверь, я способен на это – я способен раскрывать удивительные стороны состояния, в котором нахожусь последние полтора года.

Напомню лишь, чтобы не кануло в Лету, некоторые вопросы, на которые я и раньше искал ответы. Я влюблялся уже не раз – уже десятки раз. Значит ли это, что и то, что я испытываю к тебе, – одна из десятков похожих историй? И я сразу же утверждаю: тысячу раз НЕТ! Тысячу

раз это не одно и то же! Тысячу раз... Но и тогда, Галя, и тогда тоже я бы утверждал: тысячу раз НЕТ! Тысячу раз – это навсегда! Тысячу раз – никогда я не полюблю больше ещё кого-то...

Вот это и есть одна из удивительных сторон любви, которую невозможно ни ухватить, ни усвоить разумом. Разум не должен ставить такие вопросы любви, а любви нет смысла на них отвечать. Как-то так, Галя и юный читатель, никто другой этого и не поймёт. И всё же я стараюсь оправдываться перед разумом, что всегда люблю одну женщину, которая иногда меняет обличия.

Часть 1

Куда ни пойдешь, любое направление становится направлением к недостижимому абсолюту. В любую сторону бесконечность. Разве что абсолютный температурный ноль: он, похоже, единственный достижимый абсолют, да ещё и так близко – всего в каких-то трёхстах градусах отсюда. Если идти достаточно долго, то изменения и перемены не заставят себя долго ждать. В поисках красоты будут меняться лица за лицами, глаза за глазами, откровения за откровениями, музыка за музыкой. И постоянно будут совершаться находки: вот оно! Вот то, что я искал! Это оно! Это она! Но находки эти, какие раньше, какие позже, оказываются лишь временными остановками на бесконечном пути. Да и о бесконечности его можно только предполагать, потому что каждая находка кажется беспредельно настоящей и совершенной, не подлежащей ни сомнению, ни критике.

Но, видимо, останавливать время надолго непозволительно никому. Не захочешь идти дальше, будешь вытолкнут вназад.

Как тебе ни покажись,
Видишь по глазам:
Пусть толкает в спину жизнь,
Я ни шагу сам.

Если ты кем-то или чем-то сильно увлечён, дорогой читатель, то тебе не избежать этой участи: будь добр расстаться с предметом твоего откровения тем или иным способом. Добровольно или нет, рано или поздно, но ты раз за разом оказываешься под проливным дождём: одиноким и лишённым настоящего. То есть в этот момент тебе думается, что настоящее именно такое: непослушное, сырое, холодное, веющее близкой зимой. Но тебе же приходилось уже и после сырости снова находить вибрирующую струну, приводящую в движение всю ойкумену. И вот уже новое откровение, новое красивое лицо, новые глаза, новая музыка.

И это чередование потерь и находок, чем-то похожее на смену времён года, может показаться нарезкой кругов копчёной колбасы на чьем-то бутерброде в театральном буфете. Здесь главное не заикнуться и не превратить жизнь в эту круглую колбасу, а разглядеть в постоянных повторениях не набившую оскомину орбиту, а лестничную спираль, движение вверх. Каждое новое лицо – не повтор истории, не любимые, казалось бы, грабли, а новый виток, новая ступень к абсолюту. Это при условии, что ты ещё способен на чувства, ещё не заостенел в рефлексиях и инстинктах.

Но и это спиральное движение не предел, и в нём тоже таится обречённость на недостижимость божественного начала. Такой видимостью движения может оказаться исключительное накопление знаний. Потому что и это движение циклит и спиралит, и абсолют оказывается совсем в ином, более наивном и простом измерении. И так, возможно, до бесконечности – откровения всё невероятнее и легче, но и им нет конца, и они по-прежнему просты. Ты приходишь к ним каждый раз с новых сторон.

Недостижимость представлялась мне встречей с Богом. То есть встреча с Богом представлялась мне недостижимостью. Он настолько красив и чист, что я сам осознавал свою бесконечную несовместимость с Ним. Бог – это невыносимое осознание мной Его утраты. Это как встретить самую красивую и скромную девушку, предназначенную тебе от сотворения, и понять, что ты уже давно не жених, а самый что ни на есть пройдоха, заложивший и перезаложивший свой свадебный костюм и саму свою жизнь уцелевшей старухе-процентщице.

Это и произошло, когда я встретил тебя. Если у Бога и есть лицо, то оно является твоим. «Променял Бога на бабу?» – спросит иной читатель.

Не знаю. У моего Бога твоё лицо.

* * *

Четвёртый раз за неделю слышу в свой адрес проскальзывающие под разными предложениями упрёки в иллюзиях. Если один человек в той или иной степени утверждает, что другой живёт в иллюзии, стоит ли этому другому прислушаться, или же таким образом он признает, что мир первого, утверждающего, более реален, чем его собственный? Любое сомнение в реальности делает её менее реальной – так стоит ли вообще сомневаться в собственном восприятии жизни и принимать чужое мнение за более достоверное? Обвинение в иллюзии говорит лишь о кардинальной разнице во взглядах.

Но если тебе об этом говорят не один, не два, а аж четыре разных человека подряд... Пора возвращаться с небес? Но мне некуда возвращаться. Давно уже. Нет голоса, который мог бы меня одёрнуть. Разве только ты...

Но в таком случае и на повести о тебе должен быть поставлен крест. Большой одинокий крест на зелёном холме. Мир, где у нас с тобой отношения, обвинён в иллюзорности. Приговор ещё не вынесен, но это лишь дело времени. А здесь оно линейно, и мне его не обойти. И мне ничего не остаётся, как стоять возле креста, вопросительно улыбаться и искать настоящей поддержки:

– Боженька!

– В доме Отца Моего обителей много.

Знаешь, что происходило, когда я впервые увидел тебя? Всё, что связано с тобой, сохраняется до мелких деталей. Меня всегда притягивали красивые лица. Ими можно любоваться издали или, найдя какой-нибудь подходящий к сложившейся ситуации повод, подойти и насладиться их близостью и так, украдкой изучая удачное сочетание форм и линий, размышлять над волнующей тайной красоты.

Так, развивая свои исследования в этой области и укрепляя их время от времени практическим опытом, я выбирал себе какое-либо лицо для наблюдения, которое производило особенно сильное впечатление на меня.

Нет, неправда – никогда у меня не было никакого выбора. И в этот раз всё происходило само.

14 ноября

Октябрьская суббота, полупустой полутемный тихий храм. Всенощная. Священник размахивает кадилом по периметру. Обходит иконы и склоняющихся прихожан. С клироса доносятся: «Яко призре на смирение рабы Своея, се бо, от ныне ублажат Мя вси роди. Честнейшую Херувим...» Худенькая девушка в васильковом платочке на исповеди у о. Иоанна. Вижу её лишь со спины, а уже знаю, что это ты. Белые кисти рук опущены долу и то сжимаются, то раскрываются длинными пальцами, чёрная юбка до пят. Берёзка рязанская. Какое же у тебя лицо? Какое ты носишь имя?

Ты целуешь крест на аналое, берёшь благословение, поворачиваешься и мальчишеской походкой делаешь несколько шагов по диагонали – почти в мою сторону. Серые, полярные глаза. Русые пряди волос из-под голубого платка. И ещё нос – особый, в сочетании со взлетающими крыльями бровей похожий на птицу. Ни у кого на Земле не видел подобного. Да, это ты! Просто, обыденно и вместе с тем необъяснимо.

Зачем я кладу всё это на бумагу?

– Действительно, зачем? – спросит у меня критически настроенный редактор.

– Зачем? – спросишь у меня ты. – Ведь я же просила...

Я вышел на улицу и натолкнулся на ступеньках на давнего приятеля с сыном-подростком. Моросил дождь, и мы вынужденно оставались на крыльце. Юра с лицом литературного критика растянута и широко обнял меня в знак приветствия. Его высокорослый, худенький сын вытащил из кармана несколько конфет и, угощаясь сам, предложил одну мне.

– Шоколадная? – спросил я и заметил, что ты уже вышла и тоже стоишь на ступеньках, сменяя платочек на капюшон.

Мы молча расступились, освободив тебе проход, и ты быстрым шагом тронулась через площадь в направлении метро. Юра задавал пару обычных дежурных вопросов про дела и здоровье, ты удалялась, и я никак не мог собраться с мыслями и рассеянно что-то отвечал. Промешкав минуту, я наконец заторопился:

– Юр, пожалуйста, я побегу, мне срочно...

Догнать тебя не получилось – на обеих сторонах платформы было безлюдно.

15 ноября

На следующий день на воскресной литургии я уже высматривал тебя среди пары сотен человек, заполонивших всё внутреннее пространство храма. Как позже неоднократно подтверждалось, у тебя невероятная черта оставаться неприметной: даже когда я находил тебя, то, отведя взгляд всего на пару каких-то секунд в сторону, не мог найти тебя сразу снова – приходилось бегать глазами по огромному храму и сканировать лица, платки, спины прихожан. Осложняла поиски и многолюдность прихода. При всём твоём очаровании ты как серая мышка всегда оставалась неприметной. Как тебе это удавалось, мне не понять, но со временем первой, кого я всегда замечал, была ты. И из христианина, как ни стыдно признаться, я постепенно превращался в какого-то охотника за твоими глазами.

Нет, не стыдно. Мне совсем не было стыдно, Галя. И теперь не стыдно. И мягкие наставления знакомых и священнослужителей, зачем и для чего мы приходим в храм, как появлялись, так быстро и исчезали, не цепляя меня никакими крючками совести. Иногда и вовсе казалось, что тебя вижу один только я: одни видят ангелов, а я тебя.

– Твоей Гали сегодня нет, – слышал я регулярно в течение года от проникательных прихожанок, с которыми успел тебя познакомиться.

– Как же нет? Вон она, – и перемещал свой взгляд на твой васильковый платочек то возле иконы святого целителя Пантелеймона, то возле блаженного Серафима.

Я даже радовался, что тебя не замечают. Ты – моё открытие.

На площади после литургии я впервые догнал тебя и взволнованно остановил:

– Здравствуйте. Вы студентка, наверное?

– Да, студентка. Меня Галя зовут.

Голос у тебя был твёрдый и уверенный. Лицо лучилось дружелюбием.

– Андрей, – представился я. – Дайте я угадаю: вы в художественной школе учитесь? На иллюстратора?

– Нет, не угадали. В музыкальной на фортепиано.

Я забежал вперёд и предложил:

– Галя, выпейте со мной кофе, пожалуйста. Здесь столько модных кафе – я вам этот квартал покажу.

Ты согласилась после секундного раздумья. И согласилась без энтузиазма – скорее из вежливости:

– Но только ненадолго, мне ещё репетировать сегодня.

Мы свернули на улицу со старинными фасадами домов, и я не знал, с чего начать разговор. Но ты сама нашла тему и спросила:

– Это вы на прошлой беседе интересные вопросы священнику задавали?

Значит, ты уже видела меня раньше. Как я мог тебя проглядеть?

– Да, я... мне постоянно хочется понять природу Небесного Царства. Знаете, если сравнить наше трёхмерное пространство с двухмерным, то по отношению к последнему наши три измерения – настоящий рай. Ни в плоскости, ни в линии, ни в точке нет ни зрения, ни слуха, ни обоняния. Им там просто не из чего взяться. Эти чувства – атрибуты совокупности минимум трёх измерений, не меньше. Так вот я уверен в том, что раз Царство Небесное, куда все мы так стремимся, невыразимо прекрасней нашей Земли, то находится оно должно в больших, чем три измерения, пространствах. Тем более и времени там нет, а время – свойство лишь нашего трёхмерного мира. Значит, в Царстве Небесном измерений непременно больше: четыре, а то и все пять... Если здесь у нас зрение, то представляете, что может быть там? Это же невообразимо прекрасно и непередаваемо. Представить не могу, как там легко и просторно...

Мы прошли до одного кафе с небольшой оранжевой вывеской «Моно». Оно находилось на углу дома с широкими окнами. Я часто бывал здесь после церкви. Девушка за стойкой только-только открыла его и расставляла стулья, снимая их с деревянных столов. Было светло и прокурено, и лучи полуденного солнца пронзали помещение насквозь. Я лишь познакомил тебя с маленькой белокурой Марэн, которая училась в театральном и подрабатывала тут, и тут же предложил пойти дальше, не желая портить встречу табачным запахом. Преимущественно говорил я, а ты отвечала обрывисто и сдержанно. Всё, что я узнал о тебе, было то, что ты из Славянска, и уже четвёртый год в нашем приходе. Никого в нём не знаешь. То, что тебе столько же лет, сколько моей взрослой дочери, меня очень расстроило. Но пока ты была рядом, я старался об этом не думать. Мы выбрали уличный столик в следующем заведении и ожидали заказанный чай. Я спросил:

– Вы не захотели остаться на лекцию о Пушкине в приходском доме. Почему?

– Не знаю. Просто не захотела. А вы почему не остались?

– С вами желал познакомиться. И я больше Достоевского люблю. Он всё внутри переворачивает. Знаете, я Неточку Незванову терпеть не мог. Хотелось просто отбросить книгу – дочитывал, уже насильно принуждая себя. Вся её слащавость, сюсюканье, заискивание с каждой страницей вызывали всё большую и большую неприязнь во мне. Становилось приторно от такого пресмыкательства и лицемерия. Даже бесило. И вот в какой-то момент открывается, что она, эта Неточка, совершенно искренняя, что от природы такая, что она самый что ни на есть ангел во плоти. Кого же я тогда ненавижу? Ангела?! И я вдруг сам себя увидел: свою озлобленность, грубость, осуждение. Вот что Фёдор Михайлович со мной творит – зеркало подносит.

– А вы чем-то похожи на главного героя в «Идиоте», – отметила ты.

– Спасибо. Но при всей моей любви к князю Мышкину я не хотел бы ему уподобляться. Он... Он бесполой. Уж лучше Рогожиным, чем князем, поверьте. Да и что князь без Рогожина? Он же не живёт, а лишь созерцает мир, наблюдает со стороны. Живёт Рогожин – он земной человек. А Мышкин – представитель Неба, небожитель. И они друг без друга никуда. Один живёт, другой оправдывает. И Рогожин только ему верит, только с ним делится: «Смотри, как я поступаю. Смотри...». Так только Богу говорят.

Ты слушала и пила зелёный чай. Я никак не мог остановиться:

– Рогожин – благоразумный разбойник, а князь – Спаситель. Вместе на кресте висят. Человек и Бог. Также это у Алёшеньки с Митей в «Карамазовых» просматривается – один бестелесный, другой земной. Мышкину и Алёше Рогожины и Мити дороже и нужней любых других людей. Как Богу разбойник...

Тебе, видимо, наскучило, и ты меня прервала:

– Спасибо. Интересно вас слушать, но мне пора.

Ты долго не давала мне расплатиться за свой чай, а потом просила показать дорогу до Квартала Палисадников. Жила ты недалеко – в семи велосипедных минутах от моего дома, столько же от церкви и столько же от места моей будущей работы – очень удачно – так что

в будущем я даже умудрялся за час обеденного перерыва побывать у себя дома, у твоего общежития, в храме и вовремя вернуться за рабочий компьютер.

Из этого километрового квадрата «дом – работа – церковь – ты» – на данный момент осталась лишь диагональ «дом – церковь»: ты теперь за четыреста вёрст, а работу я бросил из-за этой повести. Допишу, устроюсь заново.

Тебе столько же, сколько моей дочери. Я шёл домой и огорошенно пытался осознать, как это отразится на нашем знакомстве. Почему разница не в пять, не в десять лет? «Почему сразу двадцать два года?» – задавал я вопрос то ли себе, то ли миру.

– Почему ты так задержалась?

– Почему ты поторопился? – ответил я за ту тебя, которая могла бы мне возразить.

– Но это же не 100 лет. И даже не 30. Мы же встретились.

На это та ты, которая могла бы что-то ответить, промолчала.

22 ноября

Повод подойти к вечно спешащей и занятой девушке второй или третий раз подряд найти не всегда просто. А без него быстро становится заметно, что тебе от неё что-то нужно. Особенно когда девушка легка как птица и летит так высоко, что ей постоянно открываются всё новые и новые горизонты и виды. Для этого нужно самому уметь летать и летать легче и виртуозней – иначе её ни догнать, ни притянуть к себе её взоров.

Ты лебедь. С большими и белыми крыльями. Останавливать тебя – что стрелять из лука из прибрежных камышей, пока ты отдыхаешь на водной глади и кормишься.

Я стоял посреди храма и перебирал в уме возможные предлоги подойти к тебе снова.

– Рита, ты хотела бы научиться играть на фортепьяно? – озарила мою голову пролетавшая мимо идея, когда меня поприветствовала приходской библиотечкарь.

Рита была моего возраста, красива и самоуверенна. Она легко пошла мне навстречу:

– Я всю жизнь мечтала играть на рояле.

– Хочешь преподавателя?

– Да. У меня, правда, пианино нет.

– Купим, – не задумываясь пообещал я, выискивая тебя в очереди на целование креста. – Сейчас приведу тебе учителя.

Литургия закончилась, ты долго продвигалась к кресту, затем к центральной иконе, и я в ожидании топтался у входных дверей. Повод был найден и довольно удачный. Лишь бы меня никто теперь не окликнул и не подошёл.

Наконец ты стала приближаться к выходу, и мы встретились.

– Галя!

– С праздником вас!

– Галя, у меня есть для вас ученица. Пойдёмте со мной.

Не давая опомниться, я взял тебя за руку и потянул за собой. Ты поддалась и позволила провести себя через весь храм по лестнице на второй этаж. Рита уже сидела за библиотечкарским столом и выписывала одной женщине маленькую стопку книг.

– Вот, познакомьтесь: Галя, Рита. Учитель и ученица.

– Очень приятно... – начала ты.

– Галя из Славянска, а у Риты нет голоса, – неудачно пытался острить я.

– Почему же? У вас прекрасный голос, – обратилась ты к растерянно улыбающейся Рите.

Она стала оправдываться, что у неё ещё нет инструмента, что она подумывает его вскоре приобрести. Подошла старшая Ритина дочь и плотного сложения парень, который пытался за ней ухаживать. Мы с ним уже месяц демонстративно не здоровались друг с другом, но тут по инерции вдруг обменялись рукопожатием, и я представил тебе и его:

– Это Кузьма. – И быстро добавил всем: – Нам пора.

Затем, обратился к тебе:

– Бежим?

Снова схватил тебя за руку и потянул к лестнице. Проходя через кухню, на ходу представил тебя готовившей кофе добрячке Лии:

– Галя – студентка. Мы возьмём пару бутербродов в дорогу?

На улице ты, опомнившись, выхватила свою руку и сказала:

– Спасибо, но бутерброды – это лишнее. Хорошего вам дня!

– Галя, можно хотя бы до метро проводить?

– Хорошо, но только до метро, – уступила ты чисто из вежливости.

Мы двинулись через площадь Чайковского до северного входа в подземку. Я завёл речь о частных уроках, и, видимо, это была большая тема для тебя, потому что, пройдя мимо станции, ты не остановила меня, и мы шагали всё дальше и дальше. Ты делилась тем, что из-за ремонта главного здания музыкальной школы, классы и инструменты перевезли в другой филиал, что находился гораздо дальше от центра, и многие частные ученики были потеряны – никто не хотел ездить на периферию. Минут через семь, уже возле моста, ты очнулась и заметила:

– Мы же договаривались только до метро. До свиданья.

Как только ты удалялась, меня отпускало и появлялось явное ощущение музыки. Музыка невыраженной, неслышимой, но осязаемой. Она чувствовалась ещё при тебе. Ею был пронизан весь воздух. В твоём присутствии приходилось делать вид, что её нет, что я ничего не слышу, кроме проблемы потерянных учеников. Необходим был серьёзный, умный вид делового человека. Но как только ты прощалась и подростковой, мальчишеской походкой шагала дальше, скрывать своё глупое счастье было уже необязательно. Волны невидимого мелодичного моря разливались по всему городу. Дома и люди окрашивались в лёгкие пастельные тона. А впереди уже сияло новое воскресенье, новая встреча, в которой не было никаких сомнений.

«Это что, ловушка?» – спрашивал я в общий эфир. И тут же сам убеждал себя: «Нет. Всё под контролем. Голова на месте. Я только поухаживаю за тобой чуть-чуть, подружусь. Разве нельзя дружить с красивой?».

На этот вопрос не отвечалось. Но я охотно уверял весь окружающий мир в том, что всё происходит само, естественно.

«Ненадолго! Хотя бы ненадолго! Хорошо?» – пел я и договаривался с миром в незримых волнах. И во всём звенело согласие.

29 ноября

Пролетела неделя незаметно. Молитвы в храме лились мягко, радостно. Я находился в полной уверенности и почти не следил за тобой. После литургии ты, благодушно улыбаясь, покинула храм. Я догнал тебя уже за метро – погода располагала к пешей прогулке. Когда ты обернулась, благодушие так и оставалось на лице – ты была хорошо настроена.

– Галя, вы были на здешнем балете? – спросил я, не давая тебе опомниться. – Это, конечно, не Большой и не Мариинский, но хореограф здесь тоже с мировым именем.

– Да, я уже видела «Отелло», – без всякого восторга ответила ты.

– Но это совсем не то. Это современная постановка, и вам наверняка не понравилось, а есть другой балет. Вот возьмите: «Щелкунчик» хоть и в новой постановке, но в классическом стиле, – я протянул тебе два театральных билета: – Сходите с какой-нибудь подругой.

На добродушном лице проступила растерянность и тут же сменилась горделивым возмущением.

– Нет, я не возьму. Спасибо, но я не пойду.

– Галя, пожалуйста. Это же ничего особенного. У меня оказались эти билеты, а я уже раза три его смотрел.

– Тогда давайте я заплачу за один билет.

– Ну, зачем? Возьмите оба просто так.

– Нет, я куплю у вас один.

– Ну а куда я второй дену? Вы же подумаете, что я второй для себя приберёг, поэтому возьмите оба. Чтобы вы были уверены, что я не окажусь рядом.

– Я вообще ничего не возьму. Отдайте кому-нибудь другому, – поставила точку ты и прибавила ходу.

Я терял уверенность в себе: совершенно не предполагал, что билеты придётся чуть ли не навязывать. Пришлось идти на компромисс:

– Хорошо, хорошо! Берите один, а на второй я найду вам какую-нибудь девушку. Хотите, я отдам его Марэн – той маленькой блондинке из кафе «Моно», которая в театральном учится?

Я с облегчением отдал тебе билет. Ты же, чтобы поскорей забыть о такой уступке, сразу предупредила:

– Это в последний раз я вас выручаю. Больше мне ничего не дарите: никаких билетов. Я сама по студенческому могу недорогие билеты доставать. Обещаете?

– Обещаю.

Вопрос «обещаете?» в будущем стал одним из самых употребляемых в твоих обращениях ко мне: «Обещаете больше не дарить мне билетов? Обещаете больше не сажать берёзу? Обещаете больше не приходить в общежитие? Обещаете не рисовать на асфальте птичек?». Этими обещаниями ты ограничивала всякие попытки что-то для тебя делать, поэтому я уклонялся от них как мог и сопротивлялся тем, что вспоминал евангельское «не клянись вовсе». Но несколько раз я всё же давал тебе обещания и, должен признаться, в большинстве случаев их не сдерживал.

6 декабря

Новое воскресенье – новые проводы. Ты снова говорила о Боге, о том, что лишь на него можно полагаться в жизни и что даже хирурги на операциях уповают на божью помощь.

– Вам знакомо состояние беспомощности, когда никто, даже самые близкие не могут тебе помочь, и из всего, что есть, остаётся лишь Бог?

– Вы о чём, Галя?

– Так, ни о чём. Забейте, – оборвала ты.

«Забейте» тоже твоё частое слово – когда ты вдруг решаешь, что не нужно ничего продолжать рассказывать, то обрываешь речь именно так.

– Марэн сказала, что балет был красивым, – перевёл я разговор в иное русло.

– Да. Сразу три балерины поочередно играли главную роль. Одна совсем юная.

– Когда вы в последний раз были дома?

– Почти четыре года не была. Мне даже стыдно. Но я уже скоро поеду – на Новый год.

Ты рассказала, как с восьми лет вместе с сестрой училась в разных музыкальных интернатах, то в одном, то в другом городе, и дома бывала редко. И даже в интернате нечасто виделась с сестрой – она жила на другом этаже. Восемь лет училась в Москве и уже четвёртый год в нашем городе. Странно, что я увидел тебя совсем недавно.

– Галя, я тоже лечу домой на Новый год. Вам что-нибудь привести из Москвы?

– Нет, мне ничего не надо, у меня всё есть.

– Галя, но я многим что-то привожу. Лекарства, например. Вам лекарства не нужны никакие?

Ты замялась и вспомнила:

– Привезите мне драже «Вечернее» в пузырьёчках. Одну, нет, две упаковки. Если вам нетрудно, конечно.

Я обрадовался, что что-то могу сделать для тебя и стал вытягивать из тебя ещё какие-нибудь пожелания:

– Так. Что ещё? Вспоминайте, Галя, что можно легко достать в Москве, а здесь невозможно?

Ты вспомнила, но не решалась сказать, а вместо этого снова сказала: «Забейте». Но я уже так ухватился за возможность достать что-то недоставаемое, этакое как «черевички, как у самой царицы», что преградил тебе путь. Пожалуйста, дай мне исполнить твоё желание.

– Ну, хорошо, если сможете, то достаньте мне ноты второго концерта Рахманинова, но не современные, а старого издания – советские.

– Хорошо. А чем они отличаются?

– Ох, да зря это всё – вы всё равно не найдёте.

– Найду, Галя. Правда, найду.

– Только современные не привозите, они не нужны.

Я попросил у тебя на всякий случай адрес электронной почты, и ты с лёгкостью дала мне его. На номер телефона у меня дерзости не хватило, но и мэйлу я был неслыханно рад. Распрощались мы почти как настоящие друзья, а к вечеру я уже прислал тебе первое сообщение с адресом магазина возле «Серпуховской», где в каталоге числилась именно эта нотная тетрадь. Ты сразу же мне ответила:

«Даже не думала, что Вы так быстро найдёте эти ноты. Думаю, что это то, что нужно.

Большое Вам спасибо! Если вдруг эти ноты уже продали или ещё что-то, очень прошу Вас, не тратить время!!! Это действительно не так уж и важно и не стоит того, чтобы ездить по всей Москве. Ещё хотела Вас попросить, если будет возможность, купить не две, а 4 упаковки драже “Вечернее”. Буду Вам очень благодарна. Очень хорошо, что у меня теперь есть Ваш email. Со своей же стороны обещаю писать в самых крайних случаях.

P.S. Как я могу сердиться, если Вы спрашиваете про ноты, которые нужны мне, а не Вам... Вы могли бы вообще не браться за это дело. Так что я могу Вас только поблагодарить за помощь.

Благополучной поездки и Божьего благословения на все Ваши дела!»

Я был на седьмом небе. Вечером позвонила мама:

– Ну что, готовишься к поездке?

– Ма, ты просто не представляешь, какой я счастливый.

12 декабря

Я сумбурно готовился к поездке в зимнюю Москву: подбирал себе тёплые вещи, искал подарки для тётушек, мамы, сестёр, школьных друзей и высматривал в витринах маленьких магазинчиков платья и обувь. Проходя мимо одного итальянского бутика с таинственным названием «Лилит», который был лишь в трёх минутах ходьбы от храма в студенческом квартале, я остановил свой взгляд на чёрной с двумя тонкими белыми полосками книзу юбке.

Почему я не могу подарить это тебе? Почему всем, только не тебе? В чём преграда, в твоей гордости? Да, ты недотрога, и любой подарок тебе так просто не сделаешь. Этим ты и притягиваешь – очень настоящая, без лукавства и кокетства. Именно такой и хочется всё дарить и отдавать.

Я принёс юбку на всюнощную службу в бумажном пакете.

Ты уже была в храме. Как сделать так, чтобы подарок оказался у тебя естественнейшим образом, не приходило в голову. Снова была нужна всех устраивающая причина, и я обратился за помощью к проходившему рядом настоятелю:

– Отец Иоанн, я не знаю как подарить эту юбку Гале, – объяснил я ему своё затруднительное положение. – Вон той студентке. Видите?

– Не ходи в дом к девушке, на которой не хочешь жениться! – многозначительно улыбаясь, произнёс священник и прошёл дальше.

Фраза никак не укладывалась и не усваивалась в моей голове, и через несколько дней даже пришлось переспросить, как это понимать, потому что нигде сам не мог найти ни поговорки, ни пословицы, ни толкования на эти слова. А тогда я, озадаченный, поспешил к другому священнику – огромному лохматому, черноволосому и уступчивому о. Григорию, ожидавшему у исповедального аналоя очередного грешника на предмет покаяния. Я извинился, что по иному вопросу и поделился насущной проблемой:

– Батюшка, я не знаю, как подарить одной девушке юбку. Вы не могли бы это от себя сделать? Чтобы она ничего не подумала.

О. Григорий ненадолго призадумался и стал отмахиваться:

– Не, не... А что обо мне жена подумает?

Передо мной вдруг явственно открылась абсурдная картина: служба за службой скромный о. Григорий раздаривает молодым прихожанкам платья и украшения, те с недоумением и смущением смиренно принимают подарки, а вдали стоит его жена с детьми и тоже смиренно, молча смотрит на это. От представленной сцены мне стало неловко за свою просьбу, я смутился и извинился.

– Попробуй подарить сам, – посоветовал священник и благословил.

Тут на другой, женской, стороне храма ближе к солее я обнаружил пожилую и покладистую прихожанку Лию. За три года знакомства с ней мы нашли общий язык, и она легко принимала мои шутки и сама надо мной порой подшучивала. Я тихо пересёк весь храм и зашептал Лии в ухо:

– Выручай. Ты не могла бы объяснить, что тебе эта юбка мала, и подарить её вон той студентке? – Я указал на одну из десятка стоящих в полутьме прихожанок – на тебя: – Только не перепутай, её Галя зовут.

Служба уже заканчивалась, читались часы, когда Лия неторопливо вразвалочку подошла к тебе, и вы тихо зашушукались. «Заутра услыши глас мой, заутра предстану Ти, и узриши мя...» – разлетались слова. Я украдкой наблюдал, как бумажный пакет из рук ласковой и располневшей к годам женщины быстро перекочевал в твои, и возликовал. Через минут пять завершились последние молитвы, молодой священник о. Дионисий произнёс напутственные слова, и ты уверенным шагом направилась прямо ко мне. Мне трудно было сдерживать довольную улыбку, а ты в приказном тоне произнесла:

– Проводите меня, пожалуйста. Нам нужно поговорить.

Проводить тебя? Ты сама об этом меня просишь? Конечно! Конечно же! Но... нет! Чтобы не получить тайный подарок обратно, я вдруг против своей воли отказался:

– Мне некогда сейчас, я спешу.

– Тогда выслушайте меня здесь. Что вы сказали Лии?

– Ничего я ей не говорил.

– Говорили! Я же видела, как вы шептались во время службы. Что вы про меня наплели?

– Галя, да ничего я про вас не говорил – зачем мне это?

– Нет, говорили: вы сказали, что я бедная студентка. Так? И эта женщина всунула мне в руки деньги.

– ?! – я был ошарашен: – Какие деньги? Зачем?

– Вот и ответьте: зачем вы говорите, что я бедная студентка? Что вы меня позорите? У меня временно нет подработки, но средства есть.

Я не знал, куда деваться. С чего вдруг Лия проявила такую инициативу?

– Гая, да мне никогда бы в голову не пришло вас деньгами унижить. Я не мог такого сказать, поверьте. Это же глупо.

Мы снова вместе вышли из церкви и всю дорогу до «нашего» перекрёстка я оправдывался и объяснял, что это и для меня стало абсурдным сюрпризом. Про юбку ты не вспоминала – несла пакет в руках и просила, чтобы я потом обязательно объяснил Лии, что ты не бедная, что не нуждаешься в такой помощи. Я соглашался, поддакивал и потирал с облегчением руки: удалось подарить любимой девушке красивую вещь.

16 декабря

У Ники сломался подаренный ей кем-то велосипед. Вернее не сломался, а нужно было лишь поменять проколотую камеру. Ей было на год больше чем тебе, насколько я знал, и вы не были знакомы. Она подошла ко мне после окончания акафиста с просьбой о помощи. Видя, что ты занимаешь себе на лавочке место – остаёшься, как и многие прихожане, на еженедельную общую беседу, проходившую по средам, я решил, что до конца её успею всё починить, и согласился:

– Ладно. Забежим в магазин за новой камерой, потом к моему приятелю за инструментом – он здесь недалеко живёт. Но мне нужно успеть до ухода Гали: она пойдёт – я всё брошу.

Ника, не видя альтернативы, только кивнула в ответ, и через полчаса мы уже снимали переднее колесо прямо в притворе церкви – на улице был декабрь и вечер, холодно и темно. Камеру я заменил быстро, но вот снова натянуть покрышку на обод колеса никак не удавалось. А затем послышались поскрипывания отодвигаемых стульев и голоса поднимающихся со скамеек прихожан. Люди на пути к выходу перешагивали разобранный велик. Было неловко за разбросанный инструмент, и мы извинялись за неудобства, несмотря на то, что никто нам замечаний не делал. Одной из последних вышла ты. Заинтересованно посмотрела на устроенный нами беспорядок. Я привстал:

– Гая, познакомься, это Ника! У неё колесо прокололось. Мы сейчас закончим, подожди. Давайте вместе посидим где-нибудь.

Ты, к удивлению, не торопилась. Стала болтать с Никой и ещё одной, зависшей над нами студенткой об учёбе – о чём же ещё – а я никак не мог натянуть покрышку на колесо и только отчитывался: ещё пять минут, ещё три минуты, ещё минутку... Кончилось тем, что через четверть часа я, хоть и натянул покрышку на обод, но сильно задел при этом отвёрткой камеру и порвал её вновь. Мы спрятали недоделанный велосипед в подсобке и, захватив с собой ящик с инструментом и колесо, отправились на поиски подходящего кафе. Ориентировался в близлежащем квартале только я, и через несколько минут мы, проведив до метро третью вашу подружку, уже сидели в китайской забегаловке.

Ты в отличие от Ники долго отказывалась выбирать себе блюдо и только после утомительных уговоров согласилась с Никой взять одно овощное блюдо с рисом на двоих. И даже согласившись, ты долго сопротивлялась тому, что угощал вас я. Эта твоя принципиальность всегда превращала мои попытки ухаживания за тобой в постоянную борьбу и споры на пустом месте – вместо того, чтобы продолжать нить какого-нибудь начатого разговора, мы постоянно впадали в напрасные дискуссии принятий и отказов. Всё задуманное, казалось, изящно превращалось из-за таких препирательств в бои мелкого значения, и я ничего не мог с этим поделать – ты почти никогда ни в чем не уступала даже ради гармонии. В этот раз ты уступила благодаря Нике, которая ко всему относилась проще.

Последовав её примеру, ты смиренно взялась за рис с овощами, и я праздновал ещё одну свою тайную победу.

– Гая, ты почти ничего не кушаешь, – мягко укорила тебя более упитанная и розовощёкая Ника.

– Я много ем. Не думайте, я на самом деле много ем, – оспаривала ты каждое наблюдение.

– Ну что, например, ты ела сегодня? – спросил я.

Ты призадумалась и стала перечислять:

– Гречку... макароны... картошку ела.

Брови у нас с Никой полезли на лоб.

– Так много?! – несдержанно воскликнул я. И мы прыснули со смеху.

Потом Ника пыталась щёлкать нас троих на ночных улицах:

– Друзья, это фото для моей мамы. Пусть увидит, как мы развлекаемся!

Мы улыбались и обсуждали, как через два дня ты полетишь домой на каникулы. Я нёс Никино колесо с ящиком инструментов и молча прикидывал, во сколько может быть вылет твоего самолёта и как мне успеть с тобой попрощаться.

На следующий день, найдя на виртуальных просторах несколько видео твоих выступлений, где ты в плотном строгом концертном платье исполняла Рахманинова, я решился на комментарий и написал тебе в социальной сети «дневники»:

– «Рахманинова нужно исполнять в лёгком до колен платье – ему бы приятно было, если бы ты видела его молодым человеком, а не классиком. Исполняй его, как будто ты идёшь на свиданье, Галя. Прости за глупый совет»

Ты тут же ответила, и переписка затянулась почти до полуночи:

– «Да, советы довольно странные, но каждый имеет право на своё личное мнение и, естественно, у всех людей разные вкусы... Для того чтобы играть, нужно ещё выучить...»

– «Ну, вот Сергей Васильевич – ты его как видишь? Как пожилого гения... А в Царствии Небесном всем по тридцать три года. Там он молодой. И ему приятно, если ты к нему будешь относиться не как к старичку, а как к красивому человеку. Ну, ты же не можешь в таком платье ни на свидание сходить, ни со свадьбы убежать: это платье статично – динамики и дыхания жизни в нём нет. Ты в нём как застывшая статуя. Как в музее. А Рахманинов не хочет находиться в музее, он хочет с тобой убежать оттуда на набережную, на пруды. Рахманинов же видит: какая красавица меня исполняет. И платье тоже видит... Ну всё, это просто фантазии, а ты человек серьёзный... Всё, скатертью дорога, Галя. Счастливо, красавица!»

– «Да, Вас послушать... Пишите стихи дальше, это явно Ваше. Всего самого доброго и Ангела хранителя в дорогу».

Неделей до этого я поделился с тобой пачкой стихов, чтобы как-то повысить свой творческий статус в твоих глазах. Ты их никак не комментировала. И теперь лишь вскользь вежливо упомянула об этом.

18 декабря

В пятницу, уложившись на контрольной за час, я сбежал с курсов повышения квалификации к автовокзалу, где отходил автобус до пригородного аэропорта. Я прибежал за три минуты до отправления, но все пассажиры, видимо, были уже внутри, потому что двери были закрыты. Стёкла были затонированны, и я почувствовал себя совсем глупо: стоял перед автобусом и не знал, видишь ли ты меня теперь? От конфуза чувствовалось, как кровь приливает к лицу. Может, лучше куда-нибудь спрятаться? А если ты уже смотришь на меня? Помахать рукой на прощание? Кому? Автобус тронулся, и я стал махать всем: если ты меня сейчас видишь, то уверен, что ты такая же красная от гнева, как я от стыдобы.

Значит, мир устроен так, что в это время в этом месте по разным причинам краснеют два человека, разделённые тонированным окном.

* * *

Мои школьные друзья, те, что не переехали в другие районы столицы и оставались преданы родному Карачарово, пили. Пили почти ежедневно. Чаще всего в приобретённом для этого случая китайском джипе, что был припаркован возле нашей девятиэтажки. Мордой машина упиралась в детскую площадку. При первой же встрече на вопрос, над чем я теперь голову ломаю, я поделился, что мне необходимы рахманиновские ноты старого образца. Те ноты, которые я нашёл в Сети, к моему приезду были, к сожалению, проданы и несколько букинистических лавок уже безуспешно пройдены.

Сидя в машине, я постоянно отнекивался от очередной предлагаемой рюмки и с любопытством разглядывал взрослых и детей на детской площадке, на которой когда-то сам играл в четырёхлетнем возрасте. Обоих моих одноклассников, которым я рассказывал, как мне важно достать эти ноты для одной удивительной девушки, звали Димами.

– Разберёмся! – весело обещал мне один Дима, дипломированный геологоразведчик, разливая содержимое прозрачной бутылки по рюмкам.

– Ты даже не знаешь, что такое «ок гугл»? Темнота! – потешался надо мной второй Дима, главный менеджер по продажам санузлов.

Друзья смеялись, потешались над моей отсталостью, выражавшейся в отсутствии мобильного телефона, и обещали мне решить вопрос, не выходя из салона автомобиля. Они обзванивали всех авторов подходящих под мой запрос объявлений и весело требовали от них Рахманинова. Старых нот была уйма, но концерта номер два нигде не было, и нас посылали то на антикварный рынок, то в консерваторию.

В маленькой комнате, которую любезно освободили к моему приезду мама с сестрой, я первым делом поставил на комод твою фотографию. Не удержался, когда увидел её в соцсети и распечатал.

– Кто это? – поинтересовалась мама.

– Это Гая.

Больше я ничего не мог объяснить. На снимке твои глаза были наполнены любовью. Её было в избытке. И это не была любовь к мужчине – так на мужчин не смотрят. Скорее всего, снимок делала сестра. Это сестринская любовь: к жизни, к одному из её моментов.

Поиски в зелёном джипе развлекались удивительными историями из жизни двух закадычных друзей. Чаще всего звучала история о том, как в холодную осень начала девяностых в город не успели завести антрацит, и в старинном доме, куда подавалось тепло из котельной, куда оба приятеля едва устроились истопниками, помёрзли трубы. Оба друга угрюмо ходили по квартирам, на глазах у замерзающих жильцов спиливали отопительные батареи и затыкали оставшиеся дыры деревянными затычками. Это звучало для меня дико и походило на времена Москвы есенинской, когда в печах жгли и заборы, и мебель.

Потом повествование переходило на театр Гоголя, где в те же годы первый Дима работал осветителем и устраивал настоящий праздничный стол для голодных артистов, раздобыв по счастливой случайности банку солёных огурцов и чёрного хлеба. Такие истории повергали меня в шок.

Истории же второго Димы были сюрреальны и походили скорее на сюжеты из фильмов Бунюэля. Однажды утром, спускаясь в фойе из номера вологодской гостиницы, где он остановился на время своей командировки, худенький Дмитрий ощутил на себе пристальные и восхищённые взгляды других постояльцев и гостиничного персонала. Более того, все они стали аплодировать ему и кричать «браво». Всё это так стуседало его, что он готов был повернуть обратно, чтобы запереться у себя в номере. Но он и так опаздывал на деловую встречу, поэтому набрался храбрости и пошёл к выходу. На полпути его остановил портье. Когда же тот торже-

ственно вручил ему стопку бумажных банкнот, Диме совсем стало не по себе. Вернувшись после заключения сделки, он первым делом направился в гостиничный бар. Отвечая на вопрос, что произошло сегодня утром, бармен объяснил Дмитрию, что на самом деле всё произошло ещё вчера вечером. И он поведал историю, как уставшего Дмитрия, который был не в состоянии самостоятельно стоять на ногах, до номера несли под руки две девушки. Дмитрий же восторженным голосом кричал на весь отель «всех люблю» и разбрасывал всем вокруг бумажные деньги.

Слушая эти истории, мне становилось стыдно, что я, непонятно зачем, так далеко живу теперь.

Нотный киоск в консерватории оказался закрыт до окончания новогодних каникул, до конца моего отпуска, и, чтобы не возвращаться с пустыми руками, я скупил все кроме второго концерты Рахманинова у одного букиниста. Но и этого для тебя мне казалось мало. Что было бы ещё тебе подарить? Я гулял по заснеженной Москве, радовался настоящему морозу, всматривался в бесстрастные глаза икон в маленьких кособоких церквушках, разглядывал румяных девушек в настоящих шубах. Ты жила здесь. Как ты могла отсюда уехать? Как мог я отсюда уехать? Изгнание из сада? Из детского?

* * *

Я вернулся из Москвы в первых числах января. Тебя, я знал, ещё не было, и точная дата твоего возвращения была неизвестна. На следующий день после приезда я уже вышел на место новой работы и в стрессе зубрил новые для меня технологии. Работа и зубрёжка так поглотили меня, что в таком состоянии мне было стыдно думать о тебе – я не хотел, чтобы до тебя доносились те нудные, сухие волны теории, в которые я был теперь погружён с головой. До твоего приезда я смогу выплыть, освоиться и вернуть ту лёгкость, которой можно уже делиться. А пока, оказалось, даже хорошо, что тебя нет в городе.

В новом коллективе большую долю составляли женщины, и в лофте офиса часто стоял беззаботный девичий щебет. Была пара красивых лиц, и в меня вселилась уверенность, что именно с ними я и буду дружить впоследствии: когда ты осознаешь власть и силу собственной красоты, мне потребуется поддержка подруг и советчиц.

Работа впоследствии часто отвлекала меня от неудач в отношениях с тобой, и я ловил себя на мыслях, что в офисе ты меня почти совсем не тревожишь, что я легко и полностью отдаюсь любимым логическим задачам и проблемам, совещаниям и дискуссиям. Работа окрыляла, захватывала и давала силы и уверенность в себе, в своих способностях. Но как только я переступал порог фирмы наружу, мной всецело овладевали мысли о тебе. Уверенность улетучивалась уже на второй-третьей минуте, на пятой-шестой сотне метров и пропадала полностью возле храма. Чётко вырисовывались границы двух миров: один мир решительности, силы и признания с центром внимания на работе и второй мир с эпицентром-тобой. Он тоже был сильным, летящим и, конечно, более ярким чем первый. Только в твоём мире мне приходилось ежечасно что-то доказывать – что-то, на что в первом мире доказательств совсем не требовалось. Эти два мира соприкасались и даже проникались друг другом. И в храм я приходил то из одного, то из другого – то сильным, то неуверенным. И всё же мир, где центром всего постепенно и неизбежно становилась ты, был главным. Остальное необходимо было лишь для равновесия, для баланса: работа, дочь, приятели.

Ты спросишь, где же у меня Бог?

Я скажу, что к Нему можно испытывать разные чувства – и не больше ли радости Ему от потерянного и вновь найденного ягнёнка, чем от девяносто девяти послушных, предсказуемых овец. Где у меня Бог? Я звал Его с собой: «Пойдём со мной за грибами. Пойдём встречать Гаялю. Пойдём со мной зарисовывать ночью улицу». Я с каких-то пор стал обращаться к Нему как

к попутчику, предлагая Богу смотреть на тебя моим глазами, дарить тебе ноты общими руками. Я звал Его в свидетели во всём, что касалось тебя. И конечно, боялся что-либо опозлать.

Ты появилась на литургии двумя неделями позже.

17 января

Я всячески обходил тебя стороной и лишь издали вглядывался и знакомился с тобой заново. Пакет с московскими подарками пришлось попросить передать тебе с Наташей из иконной лавки. Когда-то эта маленькая женщина обласкала меня парой искренних, добрых слов и уже этим полностью завоевала моё доверие. Она радостно согласилась поучаствовать в таком деле, хоть и с благодушной улыбкой приговаривала: «Ох, не пара тебе Галя!». Было приятно наблюдать, как Наташа подошла к тебе сбоку, приложила губы к платку возле уха и передала свёрток. Ты, недолго думая, раскрыла пакет, заглянула в него и широко заулыбалась. Я довольный уехал домой. Вера в то, что в следующий раз ты уже сама подойдёшь ко мне хотя бы из вежливости, окрыляла – впереди целая неделя счастья... и оно уже через час постучалось в двери через сеть «дневники»:

– «Большое Вам спасибо за такие подарки! Отдельное спасибо за иконы, очень Вам благодарна! За вареники огромное спасибо. Классные. Сегодня не видела Вас в Храме. Как Ваши дела? Надеюсь, что всё в порядке.

P.S. Не забыли «Вечернее». Спасибо!»

Я долго не решался ответить, смакуя доставленную тебе радость. Потом всё же ответил, и переписка продлилась до самого вечера. Ты просила тебе не выкатать, я рассказывал, как близко от дома и от церкви моя новая работа, и приглашал тебя на службу в деревянный храм. Несколько раз я попытался закончить беседу первым, чтобы показать свою мнимую независимость от тебя, а точнее, чтобы скрыть, насколько я беззащитен перед тобой.

На следующий день, вернувшись с работы, я опять обнаружил сообщение. В этот раз с просьбой набрать тебе маленькую бутылочку крещенской воды, потому что ты пишешь реферат и вместо праздничной литургии попадаешь на лекцию.

Я снова был на седьмом небе. Конечно, я наберу тебе воды в самую красивую бутылку. Конечно, Галина Сергеевна, дописывайте свой реферат «Влияние классической музыки на таяние льдов в арктических широтах». Впереди у нас светлое будущее.

– «А Вы будете в три часа ночи обливаться водой?» – спросила ты по-детски.

Теперь буду!

Мы распрощались около полуночи в Крещенский сочельник. А уже на следующий день договаривались встретиться на акафисте в среду, чтобы я отдал тебе воду. Ещё я просил совета, каким бы таким национальным блюдом можно угостить сотрудников фирмы на корпоративном завтраке. И ты оказалась в растерянности:

– «На завтрак... Обычно у нас едят каши, но они вряд ли поймут. Овсяная, манная, пшеничная и т. д. Правда, пока Вы принесёте, всё уже будет холодное. А... можно ещё сырники. Тоже национальное, кажется».

И приписала, что возьмёшь воду только при условии, если заплатишь мне за ноты. От оплаты нот я попытался увести разговор в сторону и поблагодарил за совет:

– «Остановлюсь на сырниках. С изюмом и сгущёнкой...»

Ты же заметила, что ноты старинные, дорогие. Предложила цену в двадцать алтын и добавила:

– «...Правильно, сырники будут в самый раз. Значит, Вы хороший повар, если умеете готовить сырнички».

Я отреагировал тем, что могу готовить и отменные супы, и стал сбивать цену:

- «Ноты не стоят двадцати алтын, не придумывай – за двадцать я их не продам – за один алтын только».
- «Хорошо, десять, уговорили».
- «Один».
- «Десять».
- «Галя, не торгуйся!»
- «Это Вы торгуетесь!»
- «И два билета на балет».
- «Зачем мне два?»
- «Ты неправильно торгуешься – нужно сбивать цену!»
- «Ок. Договорились. Отдаю завтра Вам десять алтын, а с билетами потом».
- «Зачем тебе ноты трёх совсем не тех концертов и рапсодии на тему Паганини за десять алтын??? Возьми так – я всё равно играть не буду».
- «Кто знает... всё бывает в жизни. Вдруг заиграете».
- «Я же не спекулянт. Эх, отдам ноты через Лию!»
- «!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»
- «Тем более там вода святая ещё будет – потом люди подумают, что я воду продал!»
- «Какие люди?»
- «Лия, например».
- «Да я же не буду демонстративно отдавать».
- «А как?»
- «Хорошая идея. Да, через Лию. Она потом будет о Вас такого же мнения, как и обо мне сейчас. Кстати, благодаря Вам».
- «Что я бедный студент? Да она так не думает о тебе, ей просто нравится участвовать в таких играх...»
- «Короче, не буду отвлекать Вас от работы, так как ещё потом буду виновата. Я же бедный студент и лентяй».
- «Да, я действительно работаю сейчас. Завтра поговорим. Ты не лентяй, у тебя просто ученики разбежались из-за неудобного расположения школы».
- «Да пошутила. Конечно, есть сейчас чем заниматься. Экзамены, занятия, подработки и т. д. Просто есть люди, которые занимаются хорошими и нужными делами. Ещё и пользу людям приносят. Ладно, до завтра».

20 января

К шести вечера я прибежал в храм с набранной здесь же накануне в обеденный перерыв крещенской водой. Ты сидела с самого края тянущейся по периметру скамьи, и мне как опоздавшему пришлось встать рядом.

Вёл беседу молодой и темпераментный о. Дионисий. Вопросы его часто были неожиданными и казались порой с подвохом.

Однажды, приводя пример, он озадачил нас вопросом, кем является для нас Михаил Шумахер. Мы наперебой пытались угадать направление мысли священника: «Еретик? Католик? Лютеранин?». Каждое новое предположение было пропитано осуждением и отвержением Шумахера из рядов избранных и, конечно, совершенно не устраивало о. Дионисия, а скорее даже выявляло интересный факт нашей враждебности: Шумахер не православный, не озарённый истинной верой и чужой. Мы едва сдерживались от судорожного смеха, видя свою собственную карикатурную святость. Священник, не найдя достойного ответа, то ли разочарованно, то ли победно вынес свой совсем непохожий на наши догадки вердикт: Шумахер наш брат во Христе!

В этот же раз конвульсии вызвал один неуверенный, приведший всех прихожан и самого о. Дионисия в недоумение ответ средних лет женщины. Тема шла о связи поколений, о памяти и почитании предков, и священник задал, казалось бы, простой вопрос:

– Кто-нибудь помнит хотя бы, как звали вашу прабабушку?

Он смотрел на присутствующих: все молчали.

– Ну вот вы, например, – обратился он к женщине напротив, – кто ваша прабабушка?

Женщина всполошилась и наугад заявила:

– Ева!

Вся скамейка похваталась за животы, покатила с хохоту, засветилась прищуренными глазами в попытках усвоить эту невероятную мысль. О. Дионисий опешил:

– Даже так, да?

Ты улыбалась. Это тоже минуты счастья – общего счастья. Интересно, зафиксированы ли они где-нибудь в вечности, так что можно было бы сюда вернуться.

Я проводил тебя до моста. Мы говорили ни о чём и улыбались. Дома меня уже ждало новое сообщение.

– «Спасибо за ноты! И, конечно, за водичку.»

– «Я посмотрел в ютуб Дениса Мацуева, ты одарённое! Галя, я готовлю оливье, сырники и ещё сварю пельмени и завтра обжарю их. Хороший завтрак для фирмы? Десять алтын за ноты – хороший бизнес. Привезу тебе ещё Шопена».

– «Да уж... Денис Мацуев – вечная тема. Завтрак будет убойный. Я смотрю, у Вас открылось второе дыхание. Столько приготовить, да ещё и для фирмы... Bravo! А что обжарите? Не поняла».

– «Пельмени обжарю – тогда их можно и холодными есть. Скажи, а у тебя нет такого, что по возвращении с Родины ты не можешь прийти в себя недели две и не понимаешь, почему ты здесь, а не там? У меня всегда так. Одно и то же каждый раз. Но у тебя по-другому. Ты давно дома не жила, и детство было у тебя в разных местах... Чем лучше заправить салат, майонезом или сметаной?»

– «Начиная с Родины и заканчивая майонезом хорошо получается. Конечно, бывает. Думаю, что пословица “где родился, там и пригодился” имеет место быть. Мы совершенно другой народ, поэтому тоска по Родине будет всегда. Мне даже дышится там легче, но, увы, жизнь вносит свои коррективы. Тем более если мы христиане, то должны понимать, что мы там, где должны быть. Если Господь так рассудил, то это несомненно, для нашего же блага. Ничего, скоро забудется, и будут снова рабочие будни, что даже не заметите ничего. Не советую обжаривать пельмени. Если есть возможность, просто сварите их перед самым выходом и положите в формочку тёплыми. Так будет гораздо вкуснее! Когда поджариваешь, то тесто становится очень жёстким, и вкус сразу меняется. Салат заправляйте майонезом. Только хорошим и качественным. Вроде всё. Да, ещё такая деталь. Мы очень “чувственный” народ, поэтому так остро всё ощущаем, но такие ситуации укрепляют нас, и это хороший способ уменьшить свою чувственность. Чувство – оно в любом случае останется, и тонкое восприятие тоже, но даже в Православии это не приветствуется. Только по отношению к Господу... и искреннее с сокрушённым сердцем покаяние, что не всегда, к сожалению, получается».

– «Почему ты такая умная... Я был в двадцать три гораздо глупее. Галя, можно я тебе поищу заработок? Например, в каких-нибудь солидных заведениях с роялем, где ты сможешь иногда играть. Чувственность не приветствуется верой? Да, я знаю, но ты могла бы сама объяснить, почему. Ты спи уже, спокойной ночи. А мне ещё резать курицу и огурцы».

– «Хорошей готовки Вам. Большое спасибо за Вашу доброту, но, знаете, практически нет смысла искать подработки, так как, пока точно не знаю, но если Бог даст, то вряд ли останусь в городе на Мастера учиться. Мой профессор давно закончил преподавать – уже год занимаюсь сама. Здесь нет человека, у которого хотела бы продолжить своё обучение. Да и со здоровьем»

долгое время уже не складывается. В общем, только Господь знает, что меня ждёт. Поэтому не зарекаюсь. Может и не получится поступить, найти профессора или ещё что-нибудь... Тогда нужно будет остаться в городе. Не буду загадывать. В любом случае всё будет не так, как планируешь».

– «Что ты имеешь в виду? Переезд в другой город? Помимо местной столицы и Койска нигде тебе не понравится, Галя. Оставайся, пожалуйста...»

– «У меня сестра в Койске. Было бы здорово вместе, но после последних событий не хотелось бы туда переезжать. К тому же там нет профессора, у которого можно было бы действительно учиться. Про столицу тоже думала, но немножко хаотичный город. Одни новостройки и не могу сказать, что с умом сделано. Посмотрим. Как Бог даст».

– «Ты ищешь именно профессора, а не город? Соглашайся здесь на слабенького какого-нибудь профессора».

– «Правда, редко удаётся на двух стульях усидеть»

– «Профессор и город – это два стула?»

– «Зачем?»

– «Зачем? Я так просто не могу сказать, зачем. Цель у тебя какая? И не ломай себе режим – дисциплинируй себя рано вставать, спать ложись».

– «К огромному сожалению, в последнее время у меня её практически нет, в связи с определёнными обстоятельствами в жизни. Так и делаю. Сегодня исключение. Нужно было очень много по электронной почте отвечать. Ладно, всего доброго Вам. Ангела Хранителя ко сну!»

– «Счастливо, Галя! С Богом!»

– «Спасибо».

– «Тебе спасибо. Пока!»

– «За то, что посоветовала майонез в салат добавить? Пока».

21 января

Дни наполнились тайной радостью. Воздух стал прозрачным и звонким. Было видно: не только я, но и вся Земля, если не вся Солнечная система, влетела в зону физически ощутимого благоденствия. Жить было интересно. Вечером после работы я нашёл новое сообщение в «дневниках».

– «Думаю, что там все объелись и довольны новым работником. Главное, чтобы в привычку не вошло».

– «Новым работником будут довольны, когда я начну приносить прибыль от работы с клиентами».

– «Да... ну Вы и наготовили поздравляю с успешным вхождением в коллектив. Думаю, они Вам очень благодарны!»

– «Ну что ты! Главное – программирование! А от него нет ещё удовлетворения внутреннего. Когда появится, то сразу окрылённость и уверенность в себе растёт, и на всё в розовых очках смотришь. У тебя бывает вдохновение от труда – от того, что всё получается?»

– «Бывает, но очень редко. Тем более, как показывает практика, ни к чему хорошему это не приводит».

– «Ты имеешь в виду эйфорию от достигнутого? Я имею в виду удовлетворение от выполненной задачи: это длится один день, а на завтра уже нужно заново что-то решить, какую-то головоломку. Наверно, всё же разные специфики у программирования и фортепьяно».

– «Согласна. Совсем разные».

24 января

В воскресенье я выждал, когда ты выйдешь из храма и, отсчитав полминуты, побежал следом. В дверях меня пытался остановить тридцатидвухлетний Лукьян. Он растянулся в улыбке и не поверил, когда я, извинившись, проскочил мимо.

– Здравствуйте! – поздоровалась ты.

– До моста?! – спросил я разрешения тебя проводить.

– Хорошо. Вы говорили, что очень много лет ходили в зарубежный храм. Хотела спросить, как исповедует там священник? Я причащалась там только один раз, но, к сожалению, в тот раз был священник, который ничего не понимал по-русски, но слушал... Вы, наверное, не раз исповедовались там русскоговорящему священнику?

– Галя, если честно, то я в плохих отношениях с тамошним настоятелем. У меня был с ним большой конфликт пару лет назад. Я вообще тогда чуть не ушёл из церкви и перешёл в этот приход. А до этого была ещё одна история... – я замялся, не желая посвящать тебя в не самые красивые события, но потом всё же попытался донести до тебя один случай десятилетней давности.

* * *

Тогда я уже второй год как воцерковлялся, ходил практически на все службы в свободное время и, наверное, из-за своего постоянства получил послушание быть вторым звонарём. Однажды мне позвонил настоятель и попросил повесить плакат на колокольню. Широкий такой, клеёнчатый плакат с синей надписью на жёлтом фоне «Ночь Церквей». Специально к событию чем-то похожему на ночь музеев, ночь театров приготовленный.

Так как на первых порах в церкви человек испытывает особое рвение и предаётся вере фанатично и страстно, то и я отнёсся к «ночи церквей», мягко сказать, настороженно. Мы повесили его втроём: главный звонарь, я и ещё один прихожанин. Чувство при этом у всех было неприятное. Я представил, как буду молиться в здании, обвешанном рекламными вывесками, и мне стало не по себе. Так что я уже и вслух засомневался: можно ли, говорю, такой плакат на дом молитвы вешать, как на «Икею». А священник отговаривался и успокаивал: не переживай, мол, я же благословил, мне и отвечать.

Так мы разошлись по домам, но смущение лишь нарастало: разве в этом дело, кому отвечать. Чем церковь от магазина отличаться будет? Поделившись по телефону своими раздумьями с одним из знакомых молодых раскольников, я ещё больше убедился, что сотворил святотатство.

– Ты своими личными руками на храм плакат вешал? – подталкивал меня приятель на раскаяние.

– Да, Володь, своими собственными, – признавался я: – Ещё Лёня-звонарь руку приложил.

Как выяснилось потом, в тот вечер весть быстро распространилась по всей приходской ойкумене, и Володя уже пристыждал по телефону главного звонаря:

– Как ты мог такое на церковь повесить?

– Раз Бог попустил, значит, это Ему угодно! – отвертелся Леонид.

На следующий день я, мучимый собственным предательством веры, приготовил две длинные крепкие рейки, острый канцелярский нож и изоленту. Выждал, пока часы не пробьют два часа ночи, и пошёл тайно срывать с храма рекламу. На церковной территории, на лужайке соорудил из реек пятиметровый шест, прикрепил к нему нож и проверил всё на прочность. Редкие машины, проезжая, роняли свет фар на стены церкви, и мне постоянно приходилось

отходить к двум елям, чтобы не обнаружить себя прежде, чем оплошность не будет исправлена. Наконец я взял заготовленную палку и потянулся ею вверх. Сверху на меня смотрели колокола и звёзды. Длина шеста оказалась достаточна, чтобы дотянуться им до плаката, и я провёл несколько раз лезвием по натянутым верёвкам. Всё только пружинило и не давало результатов – надавить такой длинной палкой, чтобы что-то разрезалось, не представлялось возможным. После нескольких неудачных попыток я бросил шест в сторону.

Ночь была тёплая и ясная. Город спал. С противоположной стороны храма в приходском доме спал настоятель со всем своим семейством. Я в растерянности сел на ступеньки и заулыбался глупости происходящего. Подумалось, что анонсированная ночь церковью уже началась и началась исключительно для меня. Пришлось возвращаться домой, чтобы как-то усовершенствовать своё орудие или придумать иной способ и прийти на следующую ночь уже серьёзно подготовленным.

Утром планы неожиданно поменялись: раздался звонок священника, и выяснилось, что мне можно будет покрасить оградку в зелёный цвет. Я, не успев проснуться, согласился. Через полчаса в моих руках уже были кисточка и банка. Когда покраска подходила к концу, автомобиль настоятеля выполз за ворота и исчез в потоке других машин, увозя священника на какие-то требы. Храм был открыт на уборку, и несколько женщин внутри протирали иконы и пылесосили. Я перекрестился, поднялся на колокольню и без труда сбросил опостылевший плакат. Внизу крутой деревянной лестницы меня уже встречала тогдашняя староста Алла:

– Андрей, там плакат упал.

Я не был готов к диалогу и притворился, что не понимаю, о чём речь:

– Какой плакат?

– Плакат с колокольни.

– Понятно, – продолжал я делать вид, что ничего не понимаю.

– А он сам упал или его кто-то скинул?

Тут я почувствовал, что наступает момент откровений, и, выйдя на траву под колокольней, стал торопливо скручивать ненавистный плакат, чтобы, не дай бог, его не отобрали:

– Такие плакаты на церковь вешать нельзя.

Алла замолчала. Я скручивал плакат и ждал реакции. После паузы, к моему изумлению, мягко и по-дружески Алла произнесла:

– Дай Бог тебе сил.

Волна какого-то тепла обдала меня. У меня укрепилась уверенность в правоте своих действий. Затем она развернулась и ушла. Я же, не зная, что мне делать с плакатом, закопал его под двумя елями в компост возле забора. Так его нескоро найдут, а уносить с собой – это прослыть вором.

Вечером, решив, что священник уже пообвык и смирился с пропажей плаката, я позвонил ему. Трубку взяла матушка и на моё примирительное «вы только не подумайте, что я раскольник как Павел» она разразилась тирадой:

– Да ты не то, что Павел, ты хуже – он только болтает, а ты уже действуешь...

Она бранилась, и я отчётливо начал понимать, в какой конфронтации со священником оказался.

– Отдай плакат! – требовала матушка.

– Простите, матушка, но я его не отдам.

Затем последовали звонки от старосты и от представителя церковного совета Фёдора Карловича. Просьба была одна и та же: отдать плакат. Но я никак не мог отступить и только просил их понять неуместность рекламы на храме.

Чтобы получить хоть какую-то поддержку, я позвонил Владимиру: «Всё! Снял я плакат!». Новость его невероятно обрадовала, и он, в свою очередь, позвонил звонарю Леониду:

– Так неудобно, говоришь, Бог не попустит? – переспрашивал он.

– Да, если бы плакат был неуютен, то его бы уже не было, – отвечал ему Лёня.

– Так вот нету большего твоего плаката. Исчез! – торжественно поставил точку в споре Володя.

На всенощную в субботу идти было страшно – я был уверен, что меня просто выгонят из прихода, и на этом закончится всё моё воцерковление. Но, к моему удивлению, служба прошла тихо – будто и не было никакого происшествия два дня назад. В воскресенье тоже всё было как обычно: никто не смотрел косо, все улыбались и здоровались со мной как обычно. Ни до, ни после службы Леонид на колокольне не упрекнул меня. Более того даже разрешил своей десятилетней дочери Лизе вместе с Александрой, дочерью других моих знакомых, пойти со мной кататься на лодке. Мы договаривались об этом неделей раньше, и никто из их родителей из-за пропажи плаката ничего не отменил.

Я озирался по сторонам, всматривался в глаза бабушек: все смотрели так же ласково, как раньше. Всё было по-прежнему, и я остался на чай. За трапезой ко мне подсел пятидесятилетний настоятель и спросил:

– Андрей, ты считаешь меня экуменистом?

– Нет, батюшка, что вы!

– Отдай плакат.

– Да не могу я! Как же вы не понимаете? Почему кто-то решил за весь приход повесить плакат на храм как рекламу на магазин. А молиться как? Пусть весь приход решает, можно вешать такое на церковь или нет.

Священник встал и попросил всех трапезничающих остаться на голосование. Он объяснял в двух словах, в чём дело, и просил принять чью-либо сторону. За чаем оставалось человек тридцать, и большинство вообще не могло вникнуть, о каком плакате идёт речь. Поэтому, когда началось голосование, против плаката вместе с моей поднялось всего семь рук.

– Кто за то, чтобы плакат снова повесить? – спросил, в свою очередь, настоятель и сам первым поднял руку.

Следуя примеру священника, вверх стали тянуться другие руки: одна, вторая, пятая, шестая... Ещё секунда – и случится непоправимое... Я не знал, как остановить готовящихся тоже поднять свои руки, сорвался и заявил:

– Стойте! Голосуйте не голосуйте, плакат я всё равно не отдам.

– Значит, ты лгун?! – заявил священник.

Я опешил. Выходило, что это так. Пришлось признаться:

– Лгун. Но плакат не отдам. Переименуйте церковь в другую какую, тогда и вешайте, что хотите. На русской плакат висеть не будет.

С этими словами и с осознанием того, что меня теперь с позором выгонят из общины, я сам вышел из трапезной. Следом последовал весь приход. Одна худенькая и самая активная бабушка заголосила:

– А ты напиши архиепископу. Владыке напиши. Пусть он решит.

– И напишу! – машинально ответил я и вышел за церковную ограду.

За мной побежали Александра и Лиза, о которых я в тот момент совершенно забыл. Они, краем уха слышали жаркую дискуссию, не понимали, в чём дело, но быстро заразились общим накалом страстей и весело подтрунивали надо мной. Александра повторяла:

– Да отдай ты им плакат. Куда ты его спрятал?

Через неделю по электронной почте мне пришёл ответ. Не от архиепископа, а от митрополита. «...Плакаты вешать на здание храма не благословляется...» С двояким чувством – с радостью и виной перед священником – я прибежал с распечаткой письма к настоятелю.

– Знаю уже. Был не прав, – кротко признался священник и скрылся в приходском доме.

Так я остался в приходе.

Потом у меня были разборки на грани потасовки с некоторыми мужиками за дерзкую выходку, но все они закончились миром.

* * *

Мы стояли на твоём перекрёстке.

– Да вы ещё и скандальный, – подвела неожиданный итог ты.

– Разве? И вообще мне будет жаль, если ты в тот храм перейдёшь.

– Просила только в двух словах сказать, но, видимо, у вас совсем уж накопилось. – И добавила: – Я совсем не собиралась никуда переходить, тем более всё это один храм Божий и везде Единый Бог, а всё остальное... Священники разные бывают, не нам их судить, но это ваша личная история, поэтому у каждого свои ассоциации. У меня просто свои законы, и думала там попробовать исповедоваться и причаститься ещё один раз.

– Но если ты уж туда собралась, то передай, пожалуйста, одной девочке...

– Ну, я пока туда ещё не собралась и даже, если пойду, то ничего передавать не буду. Уж простите меня. Это ваши личные дела, и всегда лучше говорить прямо. Тем более не буду передавать это никакой девочке.

Я поспешил сменить тему и спросил:

– Как твою сестру зовут?

– А что? То есть почему спрашиваете? У неё в Койске очень хороший приход. – Ты то ли не хотела, то ли забыла назвать имя своей сестры.

– Многие приходы хорошие, мой любимый в Даштаде.

– Ой, в Даштад очень хочу поехать с сестрой. Она там была уже. Особенная атмосфера и редкой доброты люди.

– В Даштаде лучший из священников, с которыми лично был знаком. Жил у него шесть дней.

– Да!

– Что да?

– Добрый и хороший человек. Слышала о нём много хорошего.

Тут я решил преодолеть новую ступеньку в наших отношениях и признался:

– Галя, когда я был в Москве, я распечатал твою фотку из «дневников» и поставил в маленькой комнате, где жил.

– Какой ужас... Лучше бы вы мне это не говорили. – Ты ненадолго замолчала, не зная, как реагировать на такую новость, и снова продолжила: – Зачем вы мою фотографию распечатали и поставили?! Я вас прошу, не делайте этого больше никогда!

– Просто! Просто ты красивая! Как-то было приятно на тебя по утрам смотреть. А что с фоткой сделать? Сжечь или вернуть?

– Поставьте другую фотографию, только не мою!

– Какую?

– Посоветую вам лучше иконки поставить. Нет ничего лучше, увидеть утром образ Божий, Богородицу или святых, которые вам близки.

– Галя, какая ты пугливая. Ну, это только в Москве было, здесь у меня только иконки и стоят – у меня много икон... А из людей живых ты более богоподобная.

– Да ничего я не пугливая, просто это реально бред, ставить какие-то фотографии. Другое дело близкого или родного человека, и то не стоит. Значит, и в Москве купите, чтобы и там были иконы.

– Да всё в жизни тогда бред. Человек же не машина – у него есть странные привычки и странности вообще – на то он и человек.

– Может быть. Никогда в жизни не говорите мне «богоподобна», очень попрошу вас.

– Ну не богоподобна, подберу другое, более приземлённое слово. Хотя человек сделан по подобию Божию – богоподобен.

– Лучше ничего не подбирайте, честно.

– Да уж. Сам вижу, что мне лучше молчать с вами.

– Да не в этом дело. Просто меру нужно знать ко всему, вот и всё.

– А в чем? Вы просто переживаете, что я вас выделяю, и вам это неприятно. Но я не ухаживаю за тобой – просто выделяю, но не более, и тебе незачем так пугаться, Галя.

– Да никто не пугается, просто прошу вас, не нужно меня вообще выделять.

– Это я уже понял. Вообще буду обходить стороной.

– Да не в этом дело. Просто вы иногда говорите такие вещи, что слов просто нет... Вы же православный, а не просто с улицы какой-то непонятный человек. Тем более столько святых мест посетили, старцев, и так рассуждаете.

– Я не всегда тебя понимаю, Галя. Ты слишком неконкретно говоришь.

– Наверное! Я вообще детали не люблю. Уберите эту фотографию. Только не нужно сжигать, просто мне отдайте.

– Ну не висит нигде у меня ваша фотка, лежит в шкафу вперемешку с другими.

– Печатайте лучше молитвочки и вешайте на стену.

– Ты шутишь?

– Нет.

– Ты хочешь, чтобы я увешал стены распечатками молитв? Галя, а у тебя комната в распечатках молитв?

– У меня нет, но у меня и ваша фотография не стоит.

– Галя, ну ты уж совсем деспот в юбке: этого не делайте, это не вешайте, то не думайте. Мне снова придётся после службы ждать тебя и провожать.

– Не нужно меня никуда провожать, просто фотку отдадите и всё.

– Дёрнуло меня, сказать про эту фотку.

– Хорошо, что сказали. Если у вас такая необходимость, то носите фото жён, дочерей, подруг... Кого угодно, только не меня.

– Я не ношу твою фотку, только в Москве она была.

– Я верю. Только какая разница где? Это вообще очень плохая идея в любом городе.

Очень хотелось побыстрее закрыть эту тему. Но куда бы я ни пробовал ступить, везде получал отпор и терял почву под ногами. Ты уже не прислушивалась ко мне, а просто реагировала на слова, и они теряли последнюю свою ценность.

– Мир?

– Мир во всём мире! Только не передавайте через Лию! Мне отдадите, я не боюсь вас увидеть.

Мы разошлись по домам и до следующего воскресенья уже не общались. Моя попытка наладить отношения на следующий день пресеклась лаконично и хладнокровно:

– «Вы уже снова добрая, Галя?»

– «Не начинайте».

31 января

Отдать тебе фото было равносильно признанию в поражении и вине, которую я никак за собой не видел. Чтобы не выглядеть проигравшим, нужно было перевести всё хотя бы в гротеск. За несколько дней до этого я попросил одного хорошего портретиста сделать в кратчайший срок портрет с твоей фотки. Мы долго с ним совещались, в каком стиле изобразить тебя. Никита обнаружил небольшое сходство в повороте твоей головы и повороте головы вермеевской девушки с жемчужной серёжкой. Отлично. На радостях я выделил Никите предоплату.

К концу месяца он позвонил мне и попросил выплатить сразу всю предложенную мной сумму, жалуясь, что ему нечем платить за квартиру.

– Но у тебя же пропадёт вся мотивация работать, если я выплачу весь гонорар сразу.

– Не пропадёт. Сделаю всё за две недели, – уверял меня он.

Для убедительности он показал мне уже начатый портрет. Я нехотя выплатил ему всё наперёд и переживал потом, как бы он не ушёл в запой. Фотография твоя теперь была у Никиты, и я чуть ли не ежедневно справлялся у него о продвижении работы.

Ян Вермеер «Девушка с жемчужной серёжкой», 1665 год (перевёрнута зеркально слева направо)

Я не мог тогда вернуть тебе твой снимок и поэтому решил в воскресенье не попадаться тебе на глаза. Вышел из храма раньше тебя и отправился на метро. Возле светофора мы всё же оказались одновременно, но по разные стороны фонарного столба. Долго горел красный. Я старался не смотреть в твою сторону, но очень хотелось подойти к тебе. Когда загорелся зелёный, уже на проезжей части ты сама заметила меня и приблизилась со своим вежливым дружественным «Здравствуйте, а я вас как раз искала». Я поспешил ответить, что мне некогда, что нужно поговорить с другой знакомой, которая в это время тоже переходила дорогу, опираясь на клюку и что обещанную фотографию я верну в следующий раз. Ты растерянно согласилась с тем, что конечно же всё подождёт и что ты меня не задерживаешь и лишь из-за собственной фотки и обратилась ко мне. Воцарились смущение, пауза. Я не мог поднять на тебя глаза. Вместо этого остановил старую знакомую на тротуаре и стал бормотать ей что-то невнятное, пока ты не отвернулась. Сам же украдкой смотрел, как ты удаляешься по нашей дороге, и сердце сжималось от того, что в силу непонятно каких дурацких условностей и правил, я не шёл сейчас с тобой рядом.

7 февраля

Минула неделя. Никита поднимал трубку пьяным, а потом и вовсе перестал её брать. Я старался погрузиться в работу. Всенощная прошла без тебя. На литургии с балкона второго этажа я разглядел твой синий платочек. После недельного молчания приходилось заново выстраивать мосты.

– Галя, подождите.

– Снова вы? Я спешу.

– Я знаю. Но до перекрёстка же вас проводить можно?

Ты обречённо вздохнула:

– Только до перекрёстка! Обещаете?

– Да. Хочу поделиться с вами своей Теорией Красоты.

– Хорошо, только коротко.

– Вот вы согласны с тем, что любая неправда, любой грех, жадность там или зависть всякая обязательно начнут проявляться и на внешнем облике человека? На его внешности, во взгляде? Согласны с этим?

– Ну, согласна. Дальше что?

– Ну раз всё внутреннее выражается во внешнем, значит, красивый человек ближе к правде, ближе к Богу. Получается так? – вопросительно заключил я.

– При чём тут внешность? Вы же в церковь ходите, а рассуждаете так. Красота не во внешности.

– А разве я не об этом? Что внутри, то и снаружи. Только нужно учитывать не только свой личный грех, но и родовой, который откладывается в генах. Поэтому красота может достаться от рода, а сам человек будет растрчивать её уж как ему вздумается.

– Ну вы даёте. Бывают люди красивые внутри...

– На красоту влияют и личное, и наследственное, – перебивал тебя я. – Тот же пресловутый алкоголь, например, на внешности ребёнка отражается. Так же и привычки всякие, личностные искажающие, обязательно на детях отразятся. Так вот по-настоящему живут лишь красивые люди. Вокруг них жизнь происходит, вокруг них развиваются события, как в романах. А остальные живут жизнью красивых героев, а не своей. Они занимают вокруг героев вторые роли и проживают их только вблизи красоты. Вся жизнь происходит вокруг красоты. Или собственной, или чужой, но только вокруг неё всё живёт...

– Понятно всё с вами, – закрыла ты тему.

- Галя, так получилось, что у меня два билета на «Жизель», а я сам не могу пойти.
- Опять? Вы же обещали никаких балетов больше.
- В последний раз, Галя. Выручайте, пожалуйста, не выкидывать же их.
- Почему вы не отдадите их ещё кому-нибудь в приходе?
- Я спрашивал: Наташа согласилась пойти с вами. С Наташей из иконной лавки хотите?
- Но я же вас предупреждала. Зачем вы так делаете?

Мы распрощались на мосту. Внизу стучали колёсами вагоны метро и поезда дальнего следования. Я смотрел на тебя и не мог понять, в чём тайна твоей красоты. Всё по отдельности казалось, как и у других, всё по отдельности казалось обычным. Но всё в совокупности в тебе завораживало. Как только замолкали отвлекающие слова, я выдавал себя всем видом, и ты, замечая это, торопилась прощаться.

12 февраля

Однажды я открыл для себя удивительную вещь. Произошло это в лагере труда и отдыха под Коломной. Мы закончили девятый класс, и вместо любимой рязанской деревни, я вынужден был провести месяц в трудовом лагере. К концу смены на местном стадионе был организован футбольный матч между нашей школой и школой города Дзержинска. Дзержинские ребята были крупнее и здоровее нас, но минимум половина нашей команды занималась футболом профессионально.

Перед матчем было ещё время, и многие наши ребята вместо разминки куда-то отлучились. Вернулись же они совсем понурые. Выяснилось, что дзержинские обещали нам сильно накастылять в случае поражения. Мне и тем, кто оставались на разминке, это предупреждение не передалось, и я не отнёсся к нему серьёзно. Но, когда началась игра, ощутилось, насколько угроза сработала: мы теряли мяч в самых простых ситуациях, делали неточные пасы, позволяли обводить себя и выглядели мальчиками для битья. Я не понимал, что происходит, и очень хотел выиграть. Но с такой игрой это не представлялось возможным. Я начал злиться на одноклассников и вдруг попросил. Не знаю кого! Не знаю, как я пришёл к этому! Но я попросил: «Пожалуйста, пусть мы выиграем! Пожалуйста, пусть я забью два гола! Пусть счёт будет два – один в нашу пользу! Пожалуйста!».

Через пять минут мы перешли в первую контратаку. С острого левого угла поля я навесил передачу к дальней штанге. Мяч пролетел вдоль линии ворот над вратарём соперника и снизился до уровня головы несущегося вперёд Ципуры – того Димы, который впоследствии покоришь любовью и деньгами вологодскую гостиницу. Мы замерли в ожидании стопроцентного гола и ахнули, когда Дима промахнулся. Но в тот же миг мяч ударился о штангу и всё же влетел в ворота. Гол! Это был гол! Сухой лист! И мы, и дзержинские были в шоке. Меня обнимала вся команда.

Но впереди ещё было полтора тайма, и игра накалилась. Мы стали уверенней и ещё через пять минут пошли во вторую контратаку. Я получил пас от Синего – того Димы, который стал потом геологом и купил себе зелёный китайский джип. Сделав передачу приближающемуся к штрафной зоне соперника Смирнову Лёше, с которым у нас были натянутые отношения, я получил мяч, как от стеночки обратно, – Алексей сыграл в одно касание. Между воротами и мной оказался лишь вратарь – все защитники остались позади и сбоку. Я знал, как катящийся вперёд мяч срезается, если бить в ближний угол, и прицельно ударил левой ногой в дальний, прижимая его. Мяч, как я и предполагал, срезался, полетел вдоль земли гораздо левее и в метре от вратаря впечатался в сетку. Гол! Это было невероятно. Никто ничего не понимал. На кромке поля ликовали две вожатые, Ольга и Ира, классный руководитель Леонид Захарович, девочка Персик с вечно смеющимися глазами, ласково дразнившая меня «чернышочком», и другие восьмиклассницы и девятиклассницы.

На глазах происходило исполнение моей просьбы. Выглядело всё настолько неправдоподобно, что ни мы, ни дзержинские не могли поверить в результат первого тайма. И я уже догадывался, что будет потом.

Во втором тайме мы только раз оказались на чужой половине поля. Нас расстреливали со всех дистанций, и всё выглядело предрешённым – справедливость восторжествует. Перелом в счёте был предсказуем. В середине тайма дзержинские пробили брешь в обороне и наконец вколотили мяч в наши ворота. Обстановка накалилась до предела. Чувство возможной победы, которая была на грани, но и приближалась к нам с каждой секундой, подымала наш дух. Команда начала яростно обороняться, забыв об угрозах. Каждую минуту с кромки поля слышались облегчённые вздохи наших девчонок и разочарованные ахи девушек соперника.

Оставалось каких-то пять минут до конца матча, когда с расстояния штрафной мы допустили мощнейший удар в наши ворота. Стадион затаил дыхание. Дима Гвоздков, стоявший на воротах, взлетел в левый дальний угол наперерез мячу и в невероятном «дасаевском» прыжке отбил его в сторону. Мы восхищались им. После этого эпизода соперник сломался. Мы уже не сомневались в победе и последние минуты просто выбивали мяч куда подальше, тянув время.

Раздался свисток арбитра. Два – один! Победа! Наши болельщицы выбежали на поле. Все понимали, что произошло чудо. Ликование и радость переполняли. Я же никак не мог понять, что это было. Моя просьба, моя мечта исполнилась в одночасье. К кому я обращался? Кто это был? Я даже не знал, с кем поделиться произошедшим. И я лишь мысленно произнёс тому, кто меня услышал: «Благодарю!».

С тех пор я стал в сложных ситуациях разговаривать с тем, кого не знал ни по имени, ни по внешнему виду. Я лишь отчётливо знал, что он ЕСТЬ.

* * *

На балет ты всё-таки согласилась. Мы договорились встретиться на вокзальной станции метро – я лишь для того, чтобы передать билет Наташе. Она уже стояла на перроне, когда подошёл я. И буквально через минуту легко с сияющей улыбкой явилась ты. В тонких тёмных джинсах и короткой чёрной курточке с оранжевыми шнурками ты походила на случайно зазимовавшую в нашем городе цаплю или фламинго. На полном ходу ты обняла Наташу и машинально по инерции вдруг обняла меня. Я впервые ощутил на своей щеке твои мягкие волосы и услышал твой запах. Пахло чистотой и сеном.

До оперы было пять минут ходьбы. Ты сообщила, что на балет мы отправимся все троём, так как сама приобретёшь себе билет по студенческому. Я было заартачился, но быстро сообразил, что так смогу провести с тобой весь этот вечер и проводить тебя снова, и конечно же согласился.

Сидела ты отдельно – прямо под нашим балконом во втором ряду. Я смотрел то на сцену, то вниз, пока не заснул. В паузу мы едва отыскивали тебя в большом скоплении людей. Ты делилась своими впечатлениями о том, как слышен стук пуантов о деревянные полы, и категорично отказывалась от угощений в буфете. Балет был красивым, но я с нетерпением ждал его конца. При первых же поклонах и аплодисментах я выбежал в гардероб, чтобы не стоять в очереди. Наташа посмотрела на часы, охнула и заявила, что очень торопится, так как ехать до дома ей было далеко – на другой берег портовой реки. Она просила извиниться перед тобой за то, что не попрощалась, а я был ей благодарен за то, что оставляет тебя со мной одну.

Как и во время паузы искать тебя пришлось довольно долго. Я ходил по этажам, оглядывался кругом и волновался. Наконец обнаружил тебя, сидящей на подоконнике.

- Ты неприметна как серая мышка. Долго не мог тебя не найти.
- Умеете вы делать комплименты. А где Наташа?
- Она уже убежала. Давай я тебя провожу.

Ты не стала отказываться, и мы шли по вечернему городу. Дорога была не та, что из храма: не было ни нашего моста, ни перекрёстка, и никто не знал, где и в какой момент ты меня остановишь. У меня к тебе границ не было, поэтому чертить их и охранять приходилось тебе самой. Я не решался делиться своими новыми теориями и только слушал наши шаги и редкие твои фразы. Мы мирно и сдержанно расстались у университета, и ты неожиданно предупредила:

- Меня в воскресенье на службе не будет.
- Кого же мне провожать?
- Можете проводить Лию, – обрадовалась ты удачному месту для шутки.

Дома же снова сразу же завязалась переписка. Ты разоткровенничалась, что всю жизнь постоянно переезжаешь, разрывая привязанности и едва появившиеся знакомства.

13 февраля

Утром следующего дня в «дневниках» я предложил ежедневно читать акафист святителю Николаю за появление нового профессора в нашем городе и устройство твоей учёбы. Ты попросила этого не делать, пространно убеждая, что достаточно и простого упоминания твоего имени в утренних молитвах, как и моего, в твоих. Приятно было знать, что ты производишь моё имя в своих обращениях к Богу. Раз за разом я несдержанно и неуклюже повторял, какая ты красивая. Ты всячески одёргивала меня напоминанием о неизбежном увядании любой человеческой внешности и на мои предположения о тираническом наложении запрета на всякое проявление внимания к красоте, дай тебе власть и трон, ты скромно отвечала, что на трон и не претендуешь.

Я вспомнил собственное правило, что лучше всегда самому заканчивать переписку и стал прощаться:

- «Жаль, что Вас не будет в воскресенье. На Вас приятно смотреть».
- «Вы хотите меня добить...»

Какое слово оказалось неуместным и за какое нужно было снова извиняться – «жаль» или «приятно» – я не разобрал:

- «Прости. Не буду ничего подобного говорить. До свиданья!»
- «Да ничего. Просто Вы как будто специально».

– «Не специально, честно. Автоматом говорю, не учитывая, что Вам это неприятно. Буду учитывать, правда. Счастливо!»

– «Вот видите, Вы сами ответили на свой вопрос. Автоматом говорите. Из автомата стрелять надо».

На этом мы и распрощались. Через два дня ты прислала мне откуда-то издалека поздравления со Сретением Господним.

15 февраля

Ровно три года назад у меня было венчание. Через полгода я сменил приход, а ещё через год церковный брак распался. На исповеди у каждого нового священника на вопрос, женат ли я, приходилось рассказывать историю о развале брака. Сперва я делился ею, заново переживая болезненные события тех дней и вопрошая о духовной помощи, затем эта история набила мне самому оскомину, и я просто поменял многие взгляды на приходскую жизнь. Из новоназначенного максималиста я превратился в... не знаю, кого. Пропала горячность, пылкость в общине. Бог перестал быть общим и становился лично моим. Я как и прежде исповедовал Христа, воплотившегося, распятого, воскресшего, почитал Его преподобных, но совершенно не принимал географию и время евангельских событий. Где происходило божественное явление

ние и когда, казалось мне непринципиальным, и традиционную историю со Средними тёмными веками, монголо-татарским игом, бонапартами и петрами первыми я выкидывал из своей жизни за борт, как чужой балласт. От ига и штабс-капитана Питера меня избавили альтернативные исследования десятков открытых мной в сети авторов. Не желая уподобляться обывателям, осуждавшим вслед за авторитетами гелиоцентриста Джордано Бруно, я перестал осуждать и опальных геоцентристов. Всё в мире снова становилось нераскрытым и новым, я, как в детстве, больше ничего не знал о Нём, кроме того, что Он меня слышит. У нас с Ним оказалась огромная связь. То есть это всё была и есть связь. И главным лицом этой связи из таких же, как я людей, теперь была ты.

20 февраля

В бывшем приходе, из которого пришлось уйти, я более восьми лет по выходным и в праздники звонил на колокольне. Мне очень нравилась наша белокаменная церковь с синим куполом и девятью новыми колоколами, подвешенными по всем правилам: пять средних управляются натянутыми к металлическому пульту струнами, благовест – педалью и три маленьких переливчатых колокольчика в одной связке правой рукой. Теперь же возможность звонить в колокола у меня оставалась лишь две субботы в месяц в маленьком и светлом деревянном храме на новом кладбище.

Колоколов здесь меньше, и сами они небольшие по своему размеру, но всё же я был признателен о. Иоанну, когда он их доверил именно мне. Переходить из прихода в приход не самое похвальное дело. Звонили мы обычно с Корнелием: вдвоём перед литургией, а после службы с детьми, если они собирались вокруг и просили попробовать. На это была и особая просьба о. Иоанна: «давать детям участвовать в звоне». Тогда мы раздавали каждому по одной или же по две верёвки и задавали каждому свой такт. Лишь три маленьких колокольчика в одной связке всегда оставались у одного из нас – правильно звонить ими труднее всего.

Утро выдалось хмурым, но сухим. Отзвонив перед началом службы, я увидел в стайке приближающихся к церкви прихожан тебя. За полтора года существования деревянного храма, ты ещё ни разу здесь не была, и, как бы я ни приглашал тебя сюда, твоё появление оказалось для меня полной неожиданностью.

Я пошёл тебе навстречу, но в самый последний момент, чтобы скрыть волнение, зачем-то остановился возле впереди тебя идущей знакомой красотки и приветственно поцеловал её в щёки. В такие минуты сам своей глупости диву даёшься. В такие минуты отказываешься верить, что я так поступил сам, что никакая посторонняя сила не вмешалась в этот момент в ход моих действий. Это не было моим желанием. Это не было моей волей. «Что ты творишь?» – пронеслось в моей голове. Но кому был адресован этот вопрос?

Ты, улыбаясь, обошла нас стороной и скрылась за деревянной дверью.

Служилось в деревянном храме охотно. То ли из-за его маленьких размеров, то ли из-за акустики, то ли ещё из-за чего, но внимание легко удерживалось на совместных молитвах. На клиросе стояло трое человек, и иногда, не замечая того, я сам включался в знакомые песнопения. Только когда регент бросала умоляющий взгляд, приходилось замолкать. С соседнего садового участка раз за разом доносилось петушиное кукареканье.

После литургии скованность моя прошла, и я сначала познакомил тебя с той самой красоткой, а затем попросил постоять тебя в качестве напарника на колоколах. Карнелий бережно уступил тебе место. Из этой затеи ничего не вышло – ты несколько раз без энтузиазма ударила в благовест, бросила верёвку и ушла в трапезную. Мы с Корнелием недоуменно пожали друг другу плечами: «женщина».

За трапезой ты как любой скромный человек, впервые оказавшийся в незнакомой обстановке, была скована и моей помощи уже не отвергала. Всё внимания в такие минуты притяги-

валось к о. Иоанну, который с неизменно бодрым духом и красивой улыбкой после благословения яств и питья начинал что-то рассказывать. В каждом приходе считают своего настоятеля особенным. Не исключением была и наша община. О. Иоанна любили все. И за благообразный вид, и за особое красноречие... Ты тоже его любила и не скрывала этого. Он был относительно молод, харизматичен и находил язык, который понимал каждый, к кому он обращался.

После чая я настоял проводить тебя до автобусной остановки одному мне известным кратчайшим путём. Настроение у тебя было бодрое, и мы беззаботно говорили обо всём и ни о чём, пока ты не хватилась, что я должен вернуть тебе твой снимок – ты снова вспомнила об этом:

– Где моя фотография?

– Галя, я непременно отдам её вам, но позже.

– Когда? Вы уже две недели как обещали вернуть мне её. Где она?

Вытянуть из меня нужную информацию очень легко. Я почти никогда не умел ничего утаивать и совершенно не годился в разведчики. Это было и остаётся огромным моим недостатком.

– Она не у меня... – замялся я.

– Что?! Как не у вас?

И я сделал очередную большую ошибку – признался:

– Я отдал её одному человеку. Он скоро всё вернёт...

Ты медленно, но необратимо закипала:

– Какому человеку? Вы совсем уже? Кому вы её ещё отдали?

– Одному знакомому художнику. Галя, он просто сделает портрет, и я верну вам фото вместе с портретом...

– Какой портрет?! О чём вы? Зачем мне мой портрет?

– Дома повесите...

– Зачем мне дома мой портрет?!

– Ну родителям отправите!

Но тебя было уже не унять:

– Зачем родителям мой портрет?!

– Ну я себе его оставлю.

– Ни в коем случае!

– Оставлю у художника...

Я перечислил, казалось, все возможные варианты. Ничто тебя не устраивало. Но самое глупое для меня было то, что ты была права. Я чувствовал себя идиотом.

– Чтобы он его выставлял? Это ещё хуже. Этого портрета не должно быть в природе. Немедленно звоните вашему знакомому, чтобы он ничего не рисовал.

– Но он уже начал. Знаете «девушку с жемчужной серёжкой» Вермеера? Вот в таком же стиле, только ваш поворот головы зеркальный, правый...

– Немедленно остановите его.

– Хорошо, из дома позвоню...

Ты стала успокаиваться, я предложил не ждать автобуса, а идти пешком. Ты согласилась. Твоё негодование стало выливаться в уже спокойные заключения:

– Вы не умеете дружить.

– Умею, Галя, я очень хочу дружить с тобой.

– Но это уже больше, чем дружба: портреты, фотографии. Вы в два раза старше меня.

– Ну и что? Я же ни на что не рассчитываю – только на дружбу.

Тут ты меня огорошила своим по-детски сказанным предупреждением:

– Если я замечу, что это больше чем дружба, я оборву с вами всякое общение. Поверьте, когда я замечаяю, что за мной ухаживают, я разрываю все контакты, все связи. У меня уже были

подобные случаи. И эти люди, между прочим, потом даже становились счастливы и благодарны за то, что я их вовремя от себя отдала.

Мне стало ревностно интересно, кто раньше за тобой ухаживал. Кто ещё до меня разглядел тебя, Галя? И кто, отказавшись от тебя, стал счастлив?

Ещё я почувствовал, что разрыв с твоей стороны непременно произойдёт – ты его уже анонсировала.

Через полчаса мы дошли до развилки, где пути наши расходились. Ты сказала, что сможешь теперь сама добраться до дома, но, плохо ориентируясь в этом районе, замешкалась и спросила, как тебе дальше. Я объяснил, что идти нужно всё время прямо, никуда не сворачивать, и, попрощавшись, перешёл дорогу. Вместо того чтобы идти самой, ты почему-то тоже перешла дорогу. В тебе проглядывала неуверенность. Я предложил ещё чуть-чуть проводить тебя. Ты стала отнекиваться, но потом уступила. Эта странность всегда присутствует в тебе: самоуверенность и растерянность одновременно. Из-за наличия сразу обоих этих качеств часто приходится ошибаться и нарушать проведённые тобой границы. Ты будто зовёшь меня на помощь и одновременно гонишь прочь.

Но я был рад дополнительным пяти минутам пути с тобой.

Не прошло и полчаса после нашего расставания, как мы снова общались, но уже в «дневниках».

* * *

– «Галя, у Марэн из кафе “Моно” премьера её фильма 29 марта в кинотеатре “Абатон”».

– «Но у меня язык не супер, чтобы все понять».

– «Она играет главную роль. Язык не проблема – думаю, они там молчат больше и говорят простейшие вещи».

– «Ну да, все же не Тарковский и Брессон».

– «У вашего Бергмана тоже, кстати, немногословие. И вообще любить Тарковского в 23 – то же, что любить “Преступление и наказание” в 7 лет».

– «Если бы сейчас был такой смысл фильмов и игра актёров, то тоже было бы достаточно несколько фраз, над которыми можно думать очень долго. У Вас все по плану. Во сколько человек должен что-то любить, или когда должно появиться чувство веры. Ведь мы же не машины. Все меняется».

– «Ну сами подумайте, Галя: если в 23 понятен “Сталкер”, то ни в 30, ни в 40, ни в 50 вы в нём ничего нового уже не откроете. Жизнь в 23 доходит до пика своего развития. Нет того, что понимается только в 70!»

– «Ладно, ерунда. Желаю Вам хорошо провести время».

– «Тебе тоже счастливых дня и выходных, и следующей недели, и всех остальных дней».

– «Думаю, что потом можно все понять и воспринять по-другому, либо получить подтверждение тому, что понял изначально. Ведь опыт приходит с годами. Никогда не знаешь, как все сложится. Спасибо. Особенно за “всех остальных дней”».

– «Интересно, со временем пересматривает человек свои взгляды или только получает подтверждение тому, что понял изначально, как ты пишешь. Откуда появилось слово “закостенелость”? Разве не опыт делает людей заостренными, когда они “всё наперёд знают” и от других ожидают лишь то, что им знакомо из прошлой жизни? Тогда не остаётся места для чуда, для счастья – ведь опыт обычно у всех “нерадостный”. Ну всё, теперь счастливо тебе!»

* * *

Разница в возрасте беспокоила меня. Неужели это непреодолимый барьер даже для дружбы и отношений? Ведь есть же девчонки твоего возраста, легко общающиеся со мной. И при очередном разговоре со священником я задал ему мучивший меня вопрос:

– Ничего, что я дружу с девушкой, которая на двадцать два года младше меня?

У о. Иоанна, видимо, было приподнятое настроение, и я получил ошарашивающий ответ:

– А ты женись на ней.

Больше мне ничего и не нужно было – с благодарностью я поторопился получить благословение и на этом закончить беседу.

Как хромой начинает замечать вокруг множество хромых людей, так и я вскоре после этого стал часто слышать или узнавать исключительно положительные примеры отношений разновозрастных пар. А эталоном таких отношений для меня стал эпизод, рассказанный одним моим старым приятелем, «раскольником», как я его нарекал за его вечные поиски истиной церкви и за обвинения в отсутствии благодати всех церквей, в которых он уже побывал. Он подрабатывал порой уходом за престарелыми, и одной из тех, за кем он когда-то ухаживал, была баронесса мадам Круглевская. Так вот она всегда с восхищением рассказывала о своём покойном муже, моложе которого была на двадцать лет. Но больше всего мне нравилась в этом эпизоде такая деталь: однажды она долго не могла подобрать главную обобщающую черту того, каким был мужчина её жизни.

– Ну каким? Каким он был? В чём его особенность? – выпытывал у неё как тайну мой приятель.

И мадам Круглевская, глядя ему в глаза тихо сказала:

– Он был русским!

Мой знакомый растерялся и громко возразил:

– Так и я русский!

Мадам покачала головой и улыбнулась:

– Нет, Павел, вы не русский. Вы советский!

Мы с приятелем озадачились и долго потом обсуждали это заявление: в чем разница между нами и ими – теми, кто из дореволюционной России. Я оправдывал себя, своё советское детство так: они лишились Родины и похоронили её и всю оставшуюся жизнь оплакивали. А Родина не умерла, она рожала нас. И у нас тоже было детство. Тоже были реки и озёра, драки, честь, достоинство, поступки. Победа, наконец.

И всё же, какими они были, дореволюционные русские?

21 февраля

Шла зима, шла женщина, шёл снег...

В воскресенье ты разрешила проводить тебя до перекрёстка. Шла, рассказывала, в чём смысл настоящей любви, как хорошо быть с Богом, и как жаль иногда многих людей, которые не понимают, что счастье и любовь прежде всего в Господе. При этом ты воодушевлённо размахивала и жестикულიровала руками и даже несколько раз ударила для убедительности своих аргументов ладонью по рулю моего велосипеда. Я почти не перебивал. Потом решил получить ответ на один нерешаемый мной вопрос:

– Галя, вот кто счастливей? Тот, кто всю жизнь прожил с любимой женщиной, но в последний день жизни она от него ушла, или тот, кто всю жизнь ждал эту женщину и лишь в последний день обрёл её?

– Ну что это за вопрос? Вы не о том думаете. У Господа ответа ищите.

На перекрёстке ты стала прощаться и подала мне по-мальчишески руку для пожатия. Твои глаза улыбались.

– Представляете, Галя, у этого художника, которому я ваш портрет заказал, рука опухла.

– Вот видите! – подхватила ты. – Видите, не богоугодное это дело. Пусть бросит всё.

– Хорошо, – я не решился оттягивать время и постоять ещё немного с тобой, а вместо этого добавил: – До свиданья!

* * *

Через пару дней мы встретились уже в «дневниках».

– «Галя, я всё понял: мне бы очень не понравилось, если бы какая-то тётка в церкви начала рисовать мои портреты и пытаться мне что-нибудь подарить – я бы тоже ей поставил вопрос “зачем?”. Ещё я представил себе людей, на которых бы я не обиделся за это: на тебя бы не обиделся и ещё на дурочку – если дурочка тебя ценит, это даже приятно – блаженные же беспристрастны. Так вот прошу принять меня за дурачка – это недалеко от правды. Просто блажь. Просто так».

– «За дурачка Вас принимать, конечно, не буду, но очень рада, что Вы меня ПРАВИЛЬНО поняли! Очень надеюсь, что это действительно так, и Вы пишете честно».

– «Честно. Обещаю, что портрет – это последняя дурацкая выходка».

– «Вообще-то последняя была с билетом на “Жизель”. Хорошо. Мы же можем с Вами нормально общаться, как Вы с Лией или другими людьми общаетесь. К чему крайности? Делать большие подарки или обходить стороной... Есть же золотая середина».

– «Я только этого и хотел: я буду Лией с тобой».

– «Да нет Вы же знаете столько людей из Храма и практически со всеми общаетесь. Очень даже хорошо общаетесь. Вот так и со мной, но Вы же не делаете для них столько всего».

– «Тогда тебе придётся ходить со мной за грибами, как Рите, принимать лекарства из Москвы, как Наташе... ходить со мной в кафе, как Лукьяну. Видишь, Галя, как у тебя логика хромает? Ты, наверно, хотела сказать, чтобы я относился к тебе, как к другим девушкам твоего возраста? Хорошо. Но Нике велосипед я чинил, ты сама видела».

– «Это совсем другое. Когда людям нужна помощь, почему нет? Лекарства, велосипед и т. д. Я же Вас сама попросила привезти из Москвы лекарства и ноты, но просто так что-то постоянно делать...»

28 февраля

В следующее воскресенье тебя в храме не оказалось. Я тщетно искал тебя глазами по всему залу и не мог сконцентрироваться на богослужении. Лишь отдельные песнопения возвращали моё внимание в новую данность, и я подпевал. Данность казалась серой и неживой – просто лишним, ненужным прохождением этого участка времени. В этом было что-то неправильное, что-то обманное, и я не мог ни молиться, ни выбраться из этого обмана. Я всматривался в отдельные лица: все ли чувствуют сегодняшнюю унылость или со мной лишь так? Если только со мной, то выходило, что обманывал себя я сам. Но где и в чём таился этот обман? Нужно ли искать его или, наоборот, игнорировать, поднимая своё внимание над временем натянутой осанкой и улыбкой? Нужен был тот, кто смог бы теперь меня услышать, и им оказался Лукьян.

Некоторые его взгляды на вещи были схожи с моими, некоторые кардинально различались, но дискутировать с ним было легче, чем с закоренелыми верующими. Верующие, к которым я причислял и себя, добровольно в целях спасения надевали на себя шоры, что давало возможность не расплыться на однодневные истины и мудрствования. Путь становился пре-

дельно узок и прост, как проста сама истина, как прост сам Бог. Шоры были сравнимы с солдатской муштрой, с дисциплиной в балете, с тиранией музыкальных педагогов и давали тихие и едва заметные результаты постепенно – не сразу. Так не сразу вырастает стройная берёза в отличие от назойливых московских зарослей ясеня. Так не сразу из маленькой, в строгости воспитанной девочки расцветает красивая, благонравная пианистка. Наверно, поэтому в тебе гармонично сочетались и сливались воедино христианство и музыка. Может, поэтому авторитетами у тебя были профессора и священники. Но меня в детстве никто в узде не держал, и мне теперь всего было мало: проповедей, наставлений... Меня переполняло так, что я не вмещался в храм. Нужны были рязанские холмистые лесостепи с запрятанными в них хуторками, выселками и деревеньками, поля от горизонта до горизонта, ливни и грозы в километрах от ближайших крыш. Мне нужно было лицо Бога. Моего Бога. Лицо из облаков. Лицо, которому я мог донести самую простую истину: я люблю Тебя.

Но милославские поля Рязанщины были сказочно далеки – где-то в тридевятом царстве, в тридесATOM государстве... Рядом оставалось только смазливое лицо «православного буддиста» Лукьяна. Две избранности, казалось мне, не давали ему покоя и боролись внутри: Ветхий Завет с Новым не так легко уживаются в одной душе, как их ни склеивай. Тридцатидвухлетний Лукьян был тому ярким примером и разбавлял все свои противоречия нейтральным созерцательством.

Однажды на репетиции одного спектакля он решил исполнить сочинённую им песню «Паранойя». Через неделю, ссылаясь на проблемы с собственной головой, он наотрез отказался от своей роли, а она была главной. И за месяц до второго показа спектакля мне пришлось учить его текст. «Паранойя» же, вернее, защита от неё и переживание за свой рассудок привели его в церковь, и он уже полгода как посещал все литургии.

Мы пили кофе и гоняли бильярдные шары в немногочисленном в ранние часы кафе «Моно». Оно открывалось в полдень, и после службы мы часто оказывались там вдвоём или же с одной его знакомой Варварой. Варвара была довольно красивой, несколько старше тебя, и общение с ней давало мне много, начиная с уверенности в общении с тобой. К тому же она легко пропитывалась нашими вариантами устройства мира, развивала их, добавляла недостающие звенья в мозаиках умозаключений, и делиться с ней самыми недоказуемыми предположениями было приятно.

Единственными яркими недостатками Варвары были тяга к прошлому, мужской ум и виски «Четыре розы». Из статуса красивой девушки она сама переходила в статус товарища. Разница в возрасте для неё не была вопросом, и она легко смотрела на мир чужими глазами.

– А ты мог бы влюбиться в женщину на двадцать два года старшую тебя?

– Поменяться с Галей местами? Мне нужно срочно умереть. Просто срочно.

– Чтобы родиться заново?

– Да, тогда ей будет сорок четыре, а мне двадцать.

– Тогда она уже будет за тобой бегать? – вмещался Лукьян.

– Нет, роли останутся. Я буду так же добиваться её доверия. Она так же не будет открываться и будет считать меня маньяком. Причины ей будут названы иные: что моя любовь – это временная страсть, что доверять таким, не повидавшим жизни, неопытным мужчинам – большая глупость. И всё же основная причина окажется той же самой: большая разница в возрасте.

– А любовь или её отсутствие уже не причина? – поинтересовалась Варвара.

– Любви от неё я и теперь не требую. Как можно требовать того, чего нет?

– Да! – подтвердил Лукьян. – Как? Что ты от неё тогда хочешь?

– Доверия. Больше ничего. Чтобы она принимала мою любовь. Чтобы она открыла глаза и увидела её, – горячился я. – Для этого не требуется взаимности.

– Представляю, как медведь влюбляется в собирающую грибы Машу и носится за ней по лесу, чтобы объясниться, – загоготал Лукьян.

– Пока примерно так и выглядит, – заулыбался я удачному сравнению.

Белокурая девушка Алекс с пустующей барной стойки принесла нам ещё по кофе. Варвара закурила на подоконнике. Хотелось подойти и отобрать у неё сигарету и стакан с «Четырьмя розами», а вместе с ними меланхолию и прошлое и освободить её от всего этого одним махом.

– Как же вы снова встретитесь? – спросила она.

– Это произойдёт само. Сперва будет лишь смутное чувство того, что тебе кого-то недостаёт. Оно появится в лет шестнадцать. А в двадцать мы столкнёмся на улице. В буквальном смысле столкнёмся: даже ударимся. Лица окажутся совсем близко. Я сразу узнаю её по глазам. Она меня тоже. «Вы?!» Она мне так скажет: «Вы?!» Потом не поверит сама себе и отстранится. Я скажу так: «Галя?! Галя, я не совсем всё помню, но я вас люблю».

– Она испугается, – предположила Варвара.

– Да, испугается, – подтвердил Лукьян.

– Да, – согласился я. – Испугается.

И мы перешли на другие темы.

Мне важно было знать, где ограничивалось моё влияние на мир, были ли границы, и было ли это влияние вообще. Церкви мне уже несколько лет не хватало – ответы священников не удовлетворяли. Не всё можно было спрашивать. И твоих ответов мне не хватало – на многое ты просто не отвечала. Хватало лишь самой тебя, но рядом были другие люди. И я спрашивал у внешнего мира, каково моё влияние на него. Варвара и Лукьян как его представители охотно мне отвечали. Но вечером после совместных мудрствований от всего этого оставался осадок. В философствовании счастья нет. Мудрствуют лишь несчастные люди. В твоих детских наивных утверждениях и назиданиях счастья было гораздо больше. И я чувствовал, что расстояние до тебя увеличивается не тогда, когда ты уезжаешь, а когда я сам огораживался своими замысловатыми логическими строениями, сам заковывал себя в цепи и прибывал к стенам набивших оскомину законов и прописных истин. Откровения со временем пошлеют, имеют свойства черстветь, и спасительная сегодня мысль через время становится обузой.

Боже, сколько настоящей любви на Земле, должно быть, – раз за разом тут и там для разных людей и пар вспыхивают и угасают откровения личного характера. Эти откровения не для всех и исчезают буднично. Но их много, и они не связаны ни с чем: ни с какими догмами, ни с какими аксиомами. Для них нет авторитетов, слава Богу. «Дух дышит, где хочет».

6 марта

Ты снова торопливым шагом пересекала площадь Чайковского, на ходу стягивая с волос васильковый платочек и убирая его в чёрную сумку. Я давал тебе отойти на сотню метров, а потом шёл за тобой, срезая углы на газоне, и возле метро догонял тебя. Это становилось привычным, но и всегда волнительным продолжением литургии.

– Галя, ты сегодня даже к кресту не подошла после службы.

– Я тороплюсь.

– У меня уже три билета в кино на Марэн. Вы пойдёте?

Ты твёрдо отказывалась:

– У меня пять нерешенных проблем. Когда премьера?

– Двадцать девятого. Пожалуйста.

– У меня в этот день удаляют коренные зубы – точно не смогу.

Настаивать я не решался, но чувство уверенности, что билеты я покупал именно тебе, оставалось, и меня лишь интересовал вопрос, как же, каким образом это случится.

Ты неожиданно спросила:

– Вы были у о. Иоанна? Что он вам сказал?

Я замялся и не знал, что ответить. Ты заметила это и на нашем перекрёстке стала выпытывать:

– Отвечайте, что он сказал про разницу в возрасте?

– Да неважно, Галя.

– Нет, важно. Что он сказал?

Ты стояла напротив, как учительница младших классов, и смотрела мне в глаза.

– Чтобы я женился на тебе.

Лицо твоё несколько секунд не выдавало никаких эмоций. Сказанное, наверное, никак не укладывалось в голове, и реакция задерживалась.

– Что вы врётё?

– Честное слово, Галя. Я сам не ожидал.

– Да вы совсем не так всё ему рассказали. Не так всё изложили. Скажите ему, что вы досаждаёте девушке. Обещаете?

– Хорошо. Спрошу его ещё раз.

Ты рассеянно попрощалась и пошла в сторону дома. Я долго смотрел вслед и, только когда ты исчезла за вторым перекрёстком, тоже пошёл домой.

7 марта

В понедельник я нашёл новый повод разговорить тебя и написал в «дневниках»:

– «Галя, продайте мне Ваши зубы мудрости. В Бельгии есть сумасшедший коллекционер, который платит за них тысячи, и я мог бы хорошо заработать. Он строит зубной музей и утверждает, что может определить по зубу возраст, национальность, характер и имя владельца. Я Вам предлагаю по двести алтын за каждый зуб. Соглашайтесь».

Повод был далеко не самый умный, но результативный. Твоя реакция не заставила себя долго ждать:

– «У Вас там все в порядке?»

– «Я же не про себя – про коллекционера».

– «Так Вы же просите Вас продать... Бред какой-то. Поэтому и спрашиваю, все ли у Вас в порядке. Вы уже переработались на новой работе...»

– «Разве в моем предложении нет логики? Я куплю два ваших зуба и продам втридорога. Корусть налицо – вы же по ней определяете поступки».

Ты догадалась, в чём дело, и перестала отвечать. Я же продолжал распинаться:

– «И, Галя, не принимайте близко к сердцу, но я завтра буду вынужден снова написать Вам. Не люблю официозов, но мне придётся поздравить нескольких женщин с Восьмым марта, и будет лицемерием обойти Вас при этом стороной. Вы самая красивая девушка на Земле, даже если вместе с характером...»

На такое ты тоже больше не реагировала.

– «И ещё я хотел по зубам мудрости определять, чем Вы живёте, чтобы хоть немного угадывать Ваше настроение: можно ли к Вам подходить иногда или лучше оставить в покое, добрая Вы или не очень, и каких народностей и племён в Вас понамешено. Ладно, простите. Снова наговорил Вам...»

Всё это летело мимо цели, и я терпел фиаско:

– «Это шутка – про зубы это была шутка и, очевидно, неудачная».

И лишь когда я обмолвился о работе над портретом, ты оживилась. Лучший знакомый портретист последние недели пребывал в пьянстве. Я встречал его на улицах еженедельно и постоянно пьяным. Он оправдывался всяческими непредвиденными трудностями и показывал свою опухшую руку.

– «И ещё, Гая: это просто невероятно, но у моего художника рука всё ещё опухшая – он, бедный, не понимает, что пишет против Вашей воли, а я не могу его остановить. Вы бы пожалели его, смягчились и принимали бы всё с лёгкостью. Никто же Вам плохого не желает, только хорошее».

– «Вот только не вините теперь меня. Какой ужас... У меня совсем не было подобных мыслей, но, думаю, что нужно бросить работу».

– «Я не виню Вас, а прошу просто согласиться: пусть до конца напишет, Вы получите портрет и можете потом его закрасить белым...»

– «Вы как друг и “заказчик” должны попросить его об этом. Я, к сожалению, ничего не могу с собой поделать. Простите... Не люблю собственные портреты».

– «Ну что оскорбительного для Вас в этом?»

– «Ничего. Ничего хорошего. Просто не люблю свои портреты. Что мне с ним делать?»

– «Вот спокойно бы отреагировали на фотку – у меня бы и в мыслях не было портреты заказывать. Закрасите белым. Хотя жалко работу».

– «А зачем человек столько времени и сил тратит? Да ещё и напрасно».

– «А он и ещё один график сказал, что очень удачная фотка у вас – а Вы говорите, не любите. Я ему помог с квартплатой, он хочет отблагодарить...»

– «Ну так Вас благодарить нужно, а не меня. Хоть это и Ваше желание...»

– «Он наполовину уже готов – как бросать? Вы же не бросаете произведения на половине?»

– «Бросаю. И ему советую».

– «Ну и как после этого себя чувствуете? Обрывками?»

– «Слушайте, я Вам давно уже говорила об этом... Чтобы он бросил эту работу... Надо было сразу сказать. Сейчас тоже нормально, ещё есть шансы».

– «Гая, ну Вы же разрешили потом, чтобы это было последним. Почему Вы огорчаетесь всё время?»

– «Да не огорчаюсь я... Это я про билеты говорила... а не про портрет. Давайте всё отменим сейчас, и всё будет хорошо у всех и у художника в том числе. Это в первую очередь сейчас».

– «Но у меня тогда не будет повода подходить к Вам иногда».

– «Какой повод?»

– «Вообще какой-либо повод...»

– «То есть когда Вы мне отдадите портрет, я перестану с Вами здороваться? Вы надумываете очень много лишнего, хотя старше меня на несколько лет...»

– «Здороваться, может, и будете, а провожать до перекрёстка совсем запретите».

– «Я и так с Вами уже не хожу. Зачем эти проводы?»

– «Вот видите».

– «Вы же вроде в Москве жениться уже собирались?»

– «Я так сказал, чтобы Вы не подумали, что я за Вами ухаживаю, и чтобы доверяли больше...»

– «А жениться когда будете? Я вообще мало кому доверяю».

– «Когда у Вас друг появится, тогда я со спокойной душой женюсь. Ваше недоверие – это из детства? Из интерната?»

– «Нет».

– «А откуда?»

– «Ладно. Короче, отменяйте заказ».

– «Не знаю, рассказывать ли Вам дальше или Вы рассердитесь...»

– «Вы меня завтра поздравить хотели? Лучшее поздравление – отмените этот заказ».

– «А что делать с началом портрета?»

- «Белым закрасить, как Вы и предложили. Что рассказывать дальше? Куда ещё дальше?»
- «Не буду ничего рассказывать – Вы непредсказуемы».
- «Нет, говорите уже».
- «А Вы пообещаете не сердиться? Я всегда жалел, когда Вам рассказывал: и про фотку, и про портрет...»
- «Говорите».
- «Обещаете?»
- «Постараюсь».
- «Я вчера был у одного хореографа, и он хоть и не художник, но тоже красиво рисует. И раз тот мой знакомый тянет уже шестую неделю с портретом, то я его попросил тоже... Он сделает графику. Но я теперь переживаю, что у него опухнут ноги, и он танцевать не сможет – Вы же негодуете по каждому поводу. Дайте мне, пожалуйста, возможность отдать Вам эти портреты, и не будет никаких больше выходов. И позвольте мне иногда с Вами до перекрёстка домой идти – мне больше ничего от вас и не надо. Иначе Вы Рахманинова и не поймёте».
- «Какой Рахманинов... Эти портреты, просто заговор какой-то».
- «Да, действительно, какой? Живой, а не памятник».
- «Я просто не понимаю, зачем Вы его попросили, если знаете моё отношение к этому – что мне не нужны портреты, и я это очень не люблю».
- «Да нет заговора – просто это жизнь, всем хочется жить, петь... А вы не разрешаете».
- «Если Вам так уж хочется, ну попросите Наташу нарисовать или ещё кого-то из храма. Да это не моё право, что-то разрешать. Вот Вы скажите, что не любите что-то, а я возьму и буду делать. Да ещё несколько раз. Как Вам? Нормально?»
- «Не несколько раз, а один – просто тянется так всё странно...»
- «Это уже второй портрет... Это совсем не странно».
- «Так первый незакончен же».
- «Это знак, что нужно закругляться».
- «Это не знак, а Ваше нежелание разрешить другим делать что-то для вас».
- «Если человек не хочет, зачем заставлять?»
- «Ну да. Только Вы ведь тоже заставляете меня, этих моих знакомых».
- «Это уже не подарок получается, а давление. Что заставляю?»
- «Да им в радость писать Вас. Мне в радость видеть Вас, а Вас это всё расстраивает. Чувствуешь себя преступником каким-то и пытаешься оправдываться... Ну чем Вас всё оскорбляет? Всем нравится Ваша красота, а Вы досадуете...»
- «Я же не экспонат какой-то. Никого я не заставляю, просто, если бы Вы попросили что-то НЕ делать, я бы точно не делала».
- «Конечно нет, но ведь и мы не экспонаты...»
- «Но я же Вас попросила только лишь портреты не писать. Не думаю, что это так трудно».
- «Но ведь хочется выражать своё отношение ко всему, к Вам, а Вы запрещаете всё на корню...»
- «Потому что это не совсем по-дружески, как мне кажется. Или я не права?»
- «Но Вы же и не дружите: Вы всегда спешите, а я за Вами, и что-то пытаюсь сказать. Но Вы всегда спиной и только из вежливости и этикета отвечаете. Это я пытаюсь дружить с Вами...»
- «Потому что мало кто умеет дружить, к сожалению. Мне очень трудно дружить с людьми, которые ко мне не совсем по-дружески расположены».
- «Да как же не по-дружески – я для Вас всё сделаю... я Вас просто люблю. Не как женщину, а просто. Почему вы иначе это видите, мне непонятно».

– «Мне тоже непонятно, к сожалению... Потому что, когда ты действительно дружишь, люди к тебе привязываются или ты к ним. Хуже, если к тебе, конечно».

– «Я на это надеялся – был уверен, что ты мне будешь доверять...»

– «Так как я очень не люблю делать людям больно, лучше до этого просто не доводить, вот и всё».

– «До чего не доводить? До привязанности?»

– «Вы просто очень добрый и чувственный человек, так что будет обидно. Я и так много ошибок сделала».

– «Так Вы не бегайте и увидите, что за Вами никто не гонится. А когда Вы бежите, я почему-то пытаюсь Вас догнать и объяснить что-то... Зато я Вам стихи не пишу – представляю Вашу реакцию – лучше будет сразу новый приход искать и город, чтобы Вы не расстраивались».

8 марта

Каждую свободную минуту мои мысли непроизвольно устремлялись к тебе. Какие бы темы ни затрагивались в информационном потоке, за три-четыре перехода они приводили к твоему образу. Если предмет дум касался родной дочери, то мысль о её учёбе перелетала на возраст – какая она у меня уже самостоятельная и взрослая. А ведь она одного года рождения с тобой. Угораздило же втюриться в девушку, которая мне в дочери годится.

Общество или вечеринка, чем увлечённой они мне казались, тем более контрастировали с твоим отсутствием в данный момент. Любое веселье и смех, а особенно флирт непременно удлиняли расстояние до тебя до космических масштабов, а симпатичные женщины запросто попадали в разряд потенциальных разлучниц.

Если мысли были о работе, то смысловая цепочка выглядела примерно так:

Моя нынешняя работа хоть и приносит внутреннее удовлетворение, но является исключительно способом зарабатывания средств. С заработком программиста совершенно реально стать абсолютно свободным от места и условий обитания. Условия быта и жизни у меня не самые красочные, которые можно себе вообразить. Воображаемый особняк на берегу реки или моря с просторной светлой верандой и роялем в углу мне пока недоступен. Я не могу подарить тебе ни рояль, ни веранду с садом. Только своё внимание и поступки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.